

Многоуважаемому
Евгению Федоровичу

Корскому

СЛОВО О ПОЯВѢ ИГОРЕВЪ.

—
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

—
ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

П. В. ВЛАДИМІРОВА,

ординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра.

КІЕВЪ

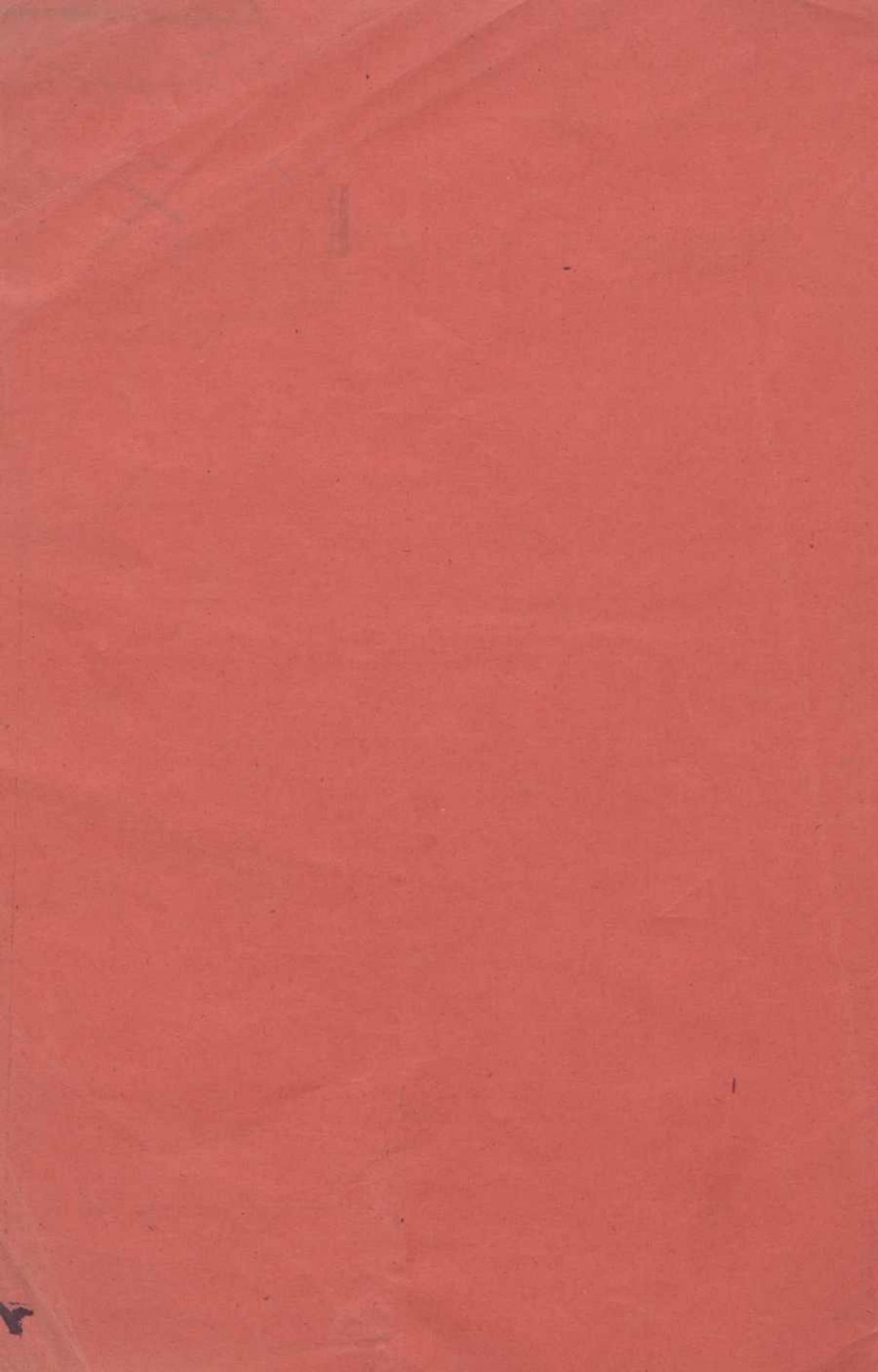
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. І. Завадскаго, Большая-Васильковская, д. № 29—31.

1894.

№ 509.

✓
1895
2/3

СЛОВО О ПОЯВѢ ИГОРЕВЪ.

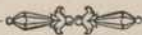
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

1965 г.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

П. В. ВЛАДИМІРОВА,

ординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго, Большая-Васильковская, д. № 29—31.

1894.

65489.

Июль-1953 г.

БК 921

Отгискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1894 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Б С С Р
Дзяржбібліатэка
імя В. І. Леніна
№ 7101

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Слово о Полку Игоревѣ“ составляло предметъ одного изъ спеціальныхъ курсовъ по Исторіи русской словесности, читанныхъ нами въ Университетѣ св. Владиміра. Курсъ этотъ состоялъ: во 1) изъ введенія, предлагаемаго вниманію читателей въ издаваемомъ выпускѣ съ значительными дополненіями, во 2) изъ подробнаго разъясненія историко-литературнаго значенія Слова о П. И. въ связи съ древнерусской литературой и народной словесностью и въ 3) изъ изслѣдованія текста Слова о П. И. въ связи съ его грамматическими и лексическими особенностями. Эти двѣ послѣднія главныя части нашихъ университетскихъ лекцій съ необходимыми дополненіями мы надѣемся издать вскорѣ въ двухъ послѣдующихъ выпускахъ.

Кіевъ, 1893 г.

Введение въ изученіе Слова о Полку Игоревѣ.

Въ древнерусской литературѣ нѣтъ памятника болѣе интереснаго по содержанію, по формѣ и значенію, какъ Слово о Полку Игоревѣ. Слово—драгоценное украшеніе древне-русской литературы, великое поэтическое достояніе русскаго народа изъ той отдаленной эпохи, когда онъ долгое время выносилъ на своихъ плечахъ натиски азіатскихъ степныхъ кочевниковъ, какъ половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Это надвиганіе степи на развертывавшіеся оазисы древнерусской культуры и образованности (подобно природному надвиганію песковъ, степи на плодородныя, черноземныя земли) не давало простора и свободы для широкаго развитія образованія и литературы. Древнерусская жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ не дошла до насъ въ такихъ обширныхъ, разнообразныхъ и художественныхъ поэмахъ, каковы—средневѣковыя западноевропейскія. Но историческая судьба не обдѣлила русскій народъ: и на долю его досталась такая единственная лиро-эпическая „пѣсня—повѣсть“, сравнительно краткая и сжатая по размѣрамъ, но полная и живая по изображенію гибели и мужества, горя и радости,—это Слово о Полку Игоревѣ! Несмотря на сжатость и сравнительную краткость Слова, указывающія на его сложеніе вслѣдъ за событіемъ, нельзя не подумать о томъ, что тревожная судьба русскаго народа,—особенно на югѣ и на западѣ,—уничтожила другія подобныя произведенія древне-

русской поэзии, которая предшествовали Слову и слѣдовали за нимъ. Последнее подтверждается извѣстной „Задонщиной“ и недавней находкой отрывка изъ „Слова о погибели Рускыя земли“ (изд. 1892 г. Хр. М. Лопаревымъ)... Но не будемъ пока строить болѣе или менѣе возможныхъ предположеній объ исчезнувшихъ поэтическихъ произведеніяхъ древнерусской литературы и обратимся къ Слову о Полку Игоревѣ, которое и само по себѣ представляетъ не мало затрудненій, нѣкоторыя изъ которыхъ до сихъ поръ непреодолимы. И не разъ уже была высказываема тщетная надежда на разъясненіе Слова только при помощи новаго открытія какого либо древняго списка Слова.

Почти сто лѣтъ тому назадъ эта драгоцѣнная, единственная для насъ, древне-русская „пѣсня—повѣсть“ сдѣлалась извѣстной ученому міру и любителямъ русской старины; но до сихъ поръ нѣтъ другого памятника древнерусской литературы, который бы превзошелъ Слово о Полку Игоревѣ по поэтическимъ достоинствамъ, нѣтъ другого болѣе цѣннаго историческаго свидѣтельства, — кромѣ лѣтописныхъ сказаній, — о несчастномъ походѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя, Игоря Святославича, на половцевъ въ 1185 г., о половецкихъ нашествіяхъ и княжескихъ междоусобіяхъ въ XI—XII в.в., освѣщенныхъ глубокой мыслью современника поэта. Этотъ широкій захватъ животрепещущихъ событій XI—XII в.в., даетъ возможность заглянуть глубже въ тогдашнія историческія отношенія русскаго народа особенно къ югу и къ востоку (черезъ поля на горы, къ Дону, къ Тмутаракани, къ морю), а отчасти и къ западу (къ нѣмцамъ, къ венецианцамъ), не говоря уже о томъ, что Слово замѣчательно охватываетъ внутреннія отношенія всей Русской земли XI—XII в.в. „Въ ней одной (въ Пѣснѣ о Полку Игоревѣ), говоритъ поэтъ Майковъ, можетъ быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ“ („Заря“ 1870 г., январь, 100 стр.). Поэтическія и историческія достоинства Слова давно уже служатъ предметомъ удивленія и изученія.

Если бы исторію русской литературы ограничить изученіемъ однихъ поэтическихъ памятниковъ, то Слово о Полку Игоревѣ явилось бы выдающимся и чуть-ли не единственнымъ памятникомъ древнерусской поэзии. Только предположительно мы можемъ утверждать, что

рядомъ съ этимъ памятникомъ существовали въ древней Руси XI, XII и XIII в.в. историческія пѣсни, былины, мифологическій эпосъ, сказки, заговоры, загадки, пословицы, причитанія, лирическія пѣсни и проч. Правда, пословицы, поговорки, загадки и слабое отраженіе былинь, историческихъ пѣсенъ и сказокъ мы находимъ въ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе, Слово о Полку Игоревѣ представляется почти единственнымъ цѣльнымъ памятникомъ древнерусской поэзіи, ярко блистающимъ оригинальными и свѣжими красками народной поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—памятникомъ, отличающимся уже нѣкоторыми искусственными приѣмами стараго русскаго писателя, воспитаннаго въ византійской, южно-славянской и успѣвшей уже развиться—русской школѣ XI—XII в.в. Эта школа древнерусскихъ писателей,—о которой мы должны догадываться по выдающимся памятникамъ поученій и словъ, житій св. и путешествій къ св. мѣстамъ, повѣстей и лѣтописныхъ сказаній и общаго славянорусскаго потока переводныхъ и подражательныхъ сочиненій изъ греческой византійской литературы,—получаетъ особенно-яркое освѣщеніе при помощи изученія Слова о Полку Игоревѣ. Благодаря этому изученію направленія и главныя явленія древнерусской литературы и образованности представляются разнообразными и болѣе отчетливыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаются между ними и нѣкоторыя точки соприкосновенія; особенной близостью въ этомъ отношеніи отличаются лѣтописныя сказанія и Слово о Полку Игоревѣ, а изъ переводныхъ къ нему приближаются сказанія византійскихъ хроникъ, переводныя и оригинальныя византійскія повѣсти. Изученіе Слова о П. И. въ связи съ древнерусской переводной и оригинальной литературой приводитъ насъ къ той обстановкѣ, среди которой оно развилось, къ той почвѣ, на которой оно выросло.

Еще поразительнѣе изученіе Слова о П. И. въ связи съ народной поэзіей. Только въ этой связи открывается высокій поэтический характеръ Слова, его народность, красота и, такъ сказать, правильность поэтическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи. Если мы забудемъ объ этомъ живомъ родникѣ русской народной поэзіи, изъ котораго, безъ сомнѣнія, черпалъ полной рукой авторъ-поэтъ Слова о П. И., то низведемъ Слово на степень рѣдкаго образца древнерусской свѣтской книжности съ витіеватыми приѣмами и искусственнымъ языкомъ. Но при сравненіи Слова съ народной поэзіей въ немъ остается не много образовъ и выраженій, которые можно было бы признать исклю-

чительно книжными, не связанными съ русской народной поэзіей и съ народной поэзіей другихъ народовъ,—прежде всего, конечно, славянскихъ. Многочисленныя и разнообразныя черты народнаго склада въ Словѣ устанавливаютъ до нѣкоторой степени прошлое русской народной поэзіи, указываютъ ея древніе элементы, почти ничѣмъ не отмѣченные въ древнерусской литературѣ до XVII вѣка.

Кромѣ того, Слово о П. И. находитъ себѣ много соотвѣтствій, какъ по складу, такъ отчасти и по изображенію быта, въ средневѣковыхъ, западно-европейскихъ поэмахъ. Недаромъ наше Слово принадлежитъ тому же столѣтію, въ которое сложилась Пѣснь о Нибелунгахъ,—когда процвѣтала на Западѣ рыцарская поэзія въ пѣсняхъ трубадуровъ, минестрелей и мяннезенгеровъ. Но изъ всѣхъ западно-европейскихъ поэмъ нѣтъ болѣе близкой поэмы къ нашему слову о П. И., какъ знаменитая французская Пѣснь о Роландѣ „*La Chanson de Roland*“.

Погибшій полкъ Игоревъ, котораго „уже не крѣсити“, какъ взываетъ съ тяжелой горестью нѣсколько разъ въ Словѣ авторъ,—полкъ изъ лучшихъ бояръ, храбрыхъ мужей, съ многоцѣннымъ оружіемъ и дорогими конями, горе в. кн. Святослава, призывы князей къ отмщенью въ борьбѣ съ погаными половцами, описанія необычайныхъ подвиговъ такихъ героевъ, какъ буй-туръ Всеволодъ, неожиданность страшнаго несчастія, необозримыя полчища враговъ и самонадѣянность молодыхъ и храбрыхъ князей „погрузившихъ храбрый полкъ и русское золото во двѣ Каялы рѣки Половецкія“, похвалявшихся, по словамъ в. кн. Святослава, „преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ“,—все это невольно приводитъ къ сближеніямъ съ погибелью отборнаго французскаго войска въ Ронсевалѣ, съ горестью Карла Великаго, его местию, борьбой съ невѣрными сарацинами, съ описаніями подвиговъ Роланда, Оливье и епископа Турпина, окруженныхъ сотнями тысячъ сарацинъ и съ виной Роланда, самонадѣянно отказавшагося призвать на помощь Карла Великаго: „*Cumpainz, vus le feistes... Franceis sunt mort par vostre legerie*“, говоритъ Оливье Роланду,—или, какъ переводитъ проф. Готье въ своемъ извѣстномъ великолѣпномъ изданіи (*La Chanson de Roland, par Leon Gautier, Tours, 1872 г.*): „*C'est votre faute... Si tant de Français sont morts, c'est votre folie qui les a tués*“.

Проф. Рамбо въ своей книгѣ *La Russie épique* (стр. 196) говорить о нашемъ Словѣ по отношенію къ Пѣснѣ о Роландѣ: „*Le Slovo est pour les Russes bien plus que n'est pour nous la Chanson de Roland, car il est unique dans son genre. Il est ce que furent pour les Grecs les poèmes d'Homère ce que sont pour les Allemands les Niebelungen: le joyau de la littérature nationale*“. Въ этомъ сочувственномъ отзывѣ почтеннаго французскаго ученаго есть значительная доля правды, если только цѣнить русскую литературную старину, цѣнить ея научное изученіе. Не такъ смотритъ на Слово о П. И. нѣмецкій ученый, Каррьеръ (см. его мнѣніе у насъ ниже и въ его соч. „*Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwicklung*“, III т., 2 отд., стр. 29—30; 1868 года). Впрочемъ, безпристрастный знаменитый нѣмецкій ученый, В. Гриммъ еще въ 1812 г. (въ *Heidelbergische Jahrbücher der Literatur*) умѣлъ понять всю прелесть чисто народнаго склада въ Словѣ (когда въ русской литературѣ о Словѣ о П. И. и не подозрѣвали этого, сравнивая Слово съ Оссіаномъ, и др.) и уже сравнивалъ его съ Нибелунгами, съ Эддой и другими памятниками средневѣковой литературы.

Во всякомъ случаѣ, нельзя отказать Слову о П. И. въ громадномъ научномъ и педагогическомъ значеніи, какъ самому выдающемуся памятнику древнерусской литературы, безъ изученія котораго нѣтъ „живыхъ глаголовъ“ почти во всей древнерусской литературѣ.

Кромѣ высокихъ литературныхъ достоинствъ Слово о П. И. не лишено и важнаго историческаго значенія. Слово о П. И. почти такой же историческій источникъ, какъ лѣтописныя извѣстія о выдающихся событіяхъ XII в., поэтому историкъ русской жизни этого времени не можетъ обойти Слова о П. И., въ которомъ онъ найдетъ и общее освѣщеніе событій и такіе частные факты, о которыхъ молчатъ лѣтописи.

Съ давнихъ поръ повторяется мнѣніе, что Слово П. И. посвящено незначительному историческому событію XII в., что несчастный походъ 1185 г. не имѣлъ значенія въ общемъ развитіи историческихъ событій и былъ дѣломъ удали молодыхъ сѣверскихъ князей; но Слово захватываетъ множество событій XI—XII в.в., относящихся къ самымъ выдающимся явленіямъ того времени. Мало того, Слово отражаетъ и важныя историческія отношенія, среди которыхъ оно явилось.

То было время поколебленнаго первостепеннаго значенія Кіева, великокняжескаго стола Кіевскаго, время образованія сильнаго владимірскаго-суздальскаго великокняжескаго стола, время сильнаго галицко-волынскаго княжества, и т. д. Образованнымъ южноруссамъ XII—XIII в.в., какъ авторъ Слова о П. И. и нѣкоторые выдающіеся лѣтописцы, принадлежатъ голоса объ единеніи Русской земли, предчувствія грядущихъ событій XIII в. Но въ Словѣ о П. И. нѣтъ еще мѣста безнадежному отчаянію, и счастливое возвращеніе изъ плѣна героевъ — князей наполняетъ радостью сердце автора Слова и его современниковъ.

То было время великихъ крестовыхъ походовъ, свѣдѣнія о которыхъ приносили въ древнюю Русь русскіе паломники, отправлявшіеся въ Царьградъ и св. Землю, заносившіе эти свѣдѣнія и въ описанія своихъ путешествій, и въ лѣтописи. Новгородская лѣтопись, подъ 1204 г., подробно рассказываетъ о взятіи крестоносцами Царьграда и только намекомъ упоминаетъ какъ будто объ извѣстныхъ всѣмъ пѣсняхъ о „поганомъ зломъ Дедрикѣ“, обнаруживая знакомство съ поэмами готско-ломбардскаго цикла.

Недаромъ и лѣтопись и Слово о П. И. говорятъ о томъ, какъ слава о подвигахъ или неудачахъ русскихъ князей доходитъ до нѣмцевъ, венеціанцевъ, грековъ, мораванъ и готовъ. Лѣтопись указываетъ и на обратное теченіе въ древней Руси. Последнее, быть можетъ, не лишено значенія и для вопроса о происхожденіи нашего поэтическаго памятника XII вѣка. Мы уже упоминали о тѣхъ болѣе глубокихъ отношеніяхъ Слова о П. И. къ востоку и къ югу, которыя отражаются въ изображеніяхъ половцевъ и другихъ степняковъ, ихъ походовъ, быта и отчасти языка, въ направленіи похода 1185 г. къ синему морю, къ Тмутаракани, къ азовско-черноморскому побережью.

Если Слово о П. И. исполнено такого глубокаго и живаго интереса, какъ рѣдкій изъ памятниковъ древнерусской литературы, то точно также Слово одно изъ всѣхъ древнерусскихъ памятниковъ представляетъ почти непреодолимые затрудненія при его изученіи. Говоря образно, этотъ героическій рыцарскій памятникъ вызывалъ не мало научныхъ походовъ, въ которыхъ сыпались стрѣлы критики и скептицизма, и не мало было сломано копій! Напомнимъ здѣсь только, — о чемъ будемъ говорить подробно дальше, — предположенія о поддѣлкѣ Слова, о его мифологій, о пропускахъ и вставкахъ въ недо-

шедших до насъ рукописяхъ Слова, о связи его съ византійскими и болгарскими поэмами, или о совершенной неповрежденности дошедшаго до насъ текста Слова, и т. п. Продолжая образныя сравненія, нельзя не признать въ положеніи изслѣдователя Слова о П. И. сходства съ положеніемъ героевъ Слова, отправлявшихся „поискати града Тьмуторокана“ чрезъ необозримую, полную опасностей и неизвѣстности, Половецкую степь.

Переходя къ изученію Слова о П. И., должно замѣтить, что относящаяся сюда обширная литература (въ настоящее время число всѣхъ малыхъ и большихъ трудовъ, касающихся Слова, доходитъ до 200) заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ объясняетъ происхожденіе повторяющихся гипотезъ и мнѣній о Словѣ (повторенія встрѣчаются очень часто и всегда безъ указанія на предшественниковъ), показываетъ постепенное уясненіе Слова, несомнѣнные успѣхи въ его критической разработкѣ и знакомить съ замѣчательной обширной научной работой русскихъ ученыхъ надъ своимъ дорогимъ историко-литературнымъ достояніемъ. Мало того, безъ основательнаго знакомства съ этой литературой Слова остаются непонятными разнообразныя историко-литературныя взгляды на Слово о П. И. и необходимыя поправки въ его текстѣ. Изученіе Слова развивалось въ тѣхъ же главныхъ направленіяхъ, какъ и другихъ отдѣловъ древнерусской литературы и народной словесности. Особенно много общаго въ изученіи Слова съ развитіемъ изученія русскаго богатырскаго эпоса. Въ томъ и другомъ изученіи историческое направленіе смѣняется мифологическимъ, мифологическое—теоріей заимствованія, наконецъ, наступаетъ пора строгой критики—филологической и историко-сравнительной. Но изученіе Слова, вслѣдствіе особыхъ условій предмета, вызывало такого рода вопросы и сомнѣнія, какихъ не могло быть по отношенію къ изученію русскаго богатырскаго эпоса. Таковы прежде всего вопросы и сомнѣнія о погибшей единственной рукописи Слова въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, о печатномъ текстѣ Слова въ первомъ изданіи 1800 г., о происхожденіи Слова, и т. п. Прибавимъ еще, что ни объ одномъ памятникѣ древнерусской литературы не было высказано столько самыхъ противоположныхъ мнѣній и гаданій, какъ о Словѣ о Полку Игоревѣ его истолкователями, переводчиками и издателями. Обращаемся теперь къ обзору литературы Слова со времени его открытія до настоящаго года, т. е. за цѣлое уже столѣтіе.

Открытіемъ рукописи Слова о Полку Игоревѣ и его первымъ изданіемъ 1800 г. русская наука обязана гр. Алексію Ивановичу Мусину-Пушкину (сконч. въ 1817 г. на 73 году жизни). Въ Запискахъ и Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1824 г. (часть II) извѣстный русскій ученый, Калайдовичъ, которому наука обязана изданіемъ важныхъ древнеславянскихъ и древнерусскихъ памятниковъ, а также и первымъ вкладомъ въ научное изученіе Слова о Полку Игоревѣ,—напечатавъ „Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и Собраніи Россійскихъ Древностей Гр. А. И. Мусина-Пушкина“, изъ которыхъ мы приведемъ все интересное для нашего вопроса. Мусинъ-Пушкинъ съ 1791 г. по 1797 занималъ постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Съ 1791 г., живя въ Петербургѣ, Мусинъ-Пушкинъ обнаружилъ „невроятную страсть къ собиранію и объясненію древнихъ отечественныхъ памятниковъ... Великая Екатерина, любя исторію и благо отечества, удостоила его личнаго съ собою обращенія; ей угодно было видѣть собранныя имъ нѣкоторыя лѣтописи и г. Крекшину принадлежавшія бумаги, кои съ крайнимъ любопытствомъ разсмотрѣвъ, благоволила нѣкоторыя оставить у себя, а вмѣсто того, пожаловала ему нѣсколько пергаминныхъ книгъ, древнихъ лѣтописей и бумагъ, въ кабинетѣ ея находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила ему изъ оныхъ и изъ другихъ, древнихъ книгъ обо всемъ, что до Россійской Исторіи касается, дѣлать выписки, дозволивъ искать всюду и требовать, что найдетъ для сего нужнымъ. Таковое позволеніе доставило ему рѣдкія историческія и дипломатическія выписки и книги, а оберъ-прокурорское мѣсто его въ Святѣйшемъ Синодѣ, короткое знакомство и обращеніе съ духовными особами и указъ императрицы Екатерины II въ 11 день августа 1791 г. состоявшійся: о собраніи изъ монастырскихъ архивъ и библіотекъ всѣхъ древнихъ лѣтописей и другихъ до исторіи касающихся сочиненій, подали случай пріобрѣсть множество древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ; что весьма умножило и обогатило его собраніе. Въ числѣ рѣдкостей, въ сіе время полученныхъ, особеннаго вниманія достойна пергаминная лѣтопись Несторова, написанная въ 6885 (1377) году, въ малой листъ, монахомъ Лаврентіемъ, для великаго князя Димитрія Константиновича и полученная графомъ, какъ сказываютъ, изъ бывшаго во Владимірѣ Рождественскаго монастыря, превращеннаго теперь въ Архіерейскій домъ... У архимандрита Спасо-

Ярославскаго монастыря *Юлиа* купилъ онъ всѣ русскія книги, въ томъ числѣ драгоцѣнное *Слово о Полку Игоревѣ*. Изъ сего древностей и рѣдкостей собранія всѣ справки, относящіяся къ отечественной исторіи, Великая Екатерина требовала, а г.г. Болтинъ, Елагинъ, историографъ Карамзинъ и члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ невозбранно онымъ пользовались. Жестокая судьба, очевидно, гнавшая исторію любезнаго Отечества нашего, судила и сему единственному и драгоцѣннѣйшему стяжанію, многолѣтними трудами и большимъ иждивеніемъ собранному, къ крайнему сожалѣнію, почти всему погибнуть въ Москвѣ въ бѣдственный и вмѣстѣ славный для Отечества 1812 годъ, въ который съ великолѣпнымъ графскимъ домомъ оно превращено въ пепель. Потеря сія тѣмъ чувствительнѣе, что графъ Мусинъ-Пушкинъ незадолго до сего несчастія намѣревался отдать собраніе свое въ Архивъ Иностранной Коллегіи (въ коемъ оно вѣрно бы сохранилось), бывшій тогда подъ управленіемъ друга его Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. До изданія Слова о Полку Игоревѣ Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ учеными сотрудниками издалъ: 1) „Правду Русскую, или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительныя нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ“, въ 1792 г., въ С.-Пб. „Въ числѣ сихъ издателей Правды Русской были г.г. Болтинъ, Елагинъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ; переводъ и объясненія принадлежатъ къ трудамъ перваго“; 2) „Духовную Великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названную въ лѣтописи Суздальской поученье“, въ 1793 г., въ С.-Пб. „Переводъ, присовокупленный къ симъ сочиненіямъ, сдѣланъ издателемъ съ помощію друзей его“; 3) „Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княжества“, въ 1794 г., въ С.-Пб.; 4) Карту подъ названіемъ: „Часть Россіи съ смежными Державами, раздѣленная на губерніи и уѣзды, 1796 г.“; 5) „Ироическую пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанную стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе“ (Москва, въ Сенатской типографіи, 1800 г.; въ 4 долю; съ дозволенія Московской цензуры). Предисловіе, подъ названіемъ „Историческое содержаніе пѣсни“ на VIII стр.; затѣмъ текстъ Слова, напечатанный рус-

скимъ курсивомъ и рядомъ гражданкой переводъ, съ примѣчаніями внизу на 46 стр.; „погрѣшности“ и „поколѣнная роспись російскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ“.

Оставимъ пока изданіе 1800 г. и приведемъ еще нѣсколько любопытныхъ выдержекъ изъ статьи Калайдовича объ открытіи рукописи Слова. „Что касается до вопросовъ: *на чемъ, какъ и когда писана Пѣсь Игоревъ? гдѣ найдена? и кто былъ участникомъ въ переводѣ и изданіи оной?* послушаемъ самого графа, который на сіе отвѣчалъ мнѣ (т. е. Калайдовичу) декабря 31, 1813 года (т. е. послѣ того какъ рукопись Слова сгорѣла въ московскомъ пожарѣ—1812 г.), слѣдующее: *на чемъ, какъ и когда писана?*—Писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣтописи (сборникъ, въ которомъ находилось Слово, начинался—Хронографомъ и „Временникомъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ князей и земля Русскія“; но далѣе еще до Слова были помѣщены: „Сказаніе о Индіи богатой“ и „Синагрипъ Царь Адоровъ“; затѣмъ—Слово о полку Игоревѣ и наконецъ—Дѣяніе прежнихъ временъ—повѣсть о Девгеніѣ), довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка.—*Гдѣ найдена?*—До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейской домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель Словесности; по уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ на обѣщаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной подъ № 323, подъ названіемъ хронографъ, въ концѣ найдено Слово о Полку Игоревѣ.—*О прежнихъ переводахъ и кто былъ участникомъ въ изданіи?*—Во время службы моей въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оныя Пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была писана, но разобрать ее было весьма трудно; потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлить ее на періоды, и потомъ добираться до смысла; что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я не бывъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшился, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки подобной кн. Щербатову, кото-

рой, разбирая грамоту Новгородцевъ къ Ярославу, напечаталъ въ оной между прочаго (что надѣюся вамъ извѣстно): по что отгяль еси поле, заячь и Миловцы? По переѣздѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ я у А. Ѳ. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ неисправной перепискѣ, и по убѣдительному совѣту его и друга моего Н. Н. Б.—Каменскаго, рѣшился обще съ ними свѣрить преложеніе съ подлинникомъ и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдать въ печать“. Это важное свидѣтельство владѣльца рукописи, на которомъ мы еще остановимся, относится уже къ началу тѣхъ научныхъ тяжелыхъ изысканій о Словѣ, которыя возникли послѣ 1812 г., когда рукопись сторѣла. Между тѣмъ, вскорѣ же послѣ находки Слова, въ Гамбургскомъ журналѣ *Spéctateur du Nord* (1797, октябрь) появилась слѣдующая замѣтка, прекрасно выражающая первоначальный взглядъ на Слово: „Вы, можетъ быть, удивитесь еще болѣе, (замѣчаетъ въ видѣ письма неизвѣстный авторъ статьи изъ Россіи) если узнаете, что *два года* тому назадъ (т. е. въ 1795 г.) открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: *Пѣснь Игоревыхъ воиновъ*, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами и которая написана въ XII ст. неизвѣстнымъ сочинителемъ. Слогъ, исполненный силы, чувствія высочайшаго героизма, разительныя изображенія, очеркнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинство сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: „увы! чувствую, что кисть моя слаба; я не имѣю дара великаго Бояна, сего соловья времянь прошедших“, слѣдственно, въ Россіи были и до него великіе поэты, которыхъ творенія поглощены вѣками! Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Боянѣ, мы не знаемъ когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почтеніе, воздаваемое его дарованіямъ такимъ поэтомъ, заставляетъ чувствительно сожалѣть о потерѣ его твореній“ (мы привели переводъ по статьѣ Калайдовича I. с.). Тоже самое высказывается и въ предисловіи къ изданію Слова въ 1800 г.: „любители Россійской словесности согласятся, что въ семь оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ *Оссіановъ*; слѣдовательно, и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу... Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцомъ витійства; благоразумный читатель самъ отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ,

и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей“. И такъ мы видимъ прежде всего, что какъ владѣлецъ открытой рукописи Слова, такъ и его ученые совѣтники находились подъ сильнымъ и одностороннимъ впечатлѣніемъ отъ т. н. оссіановскихъ поэмъ, изданныхъ шотландцемъ Макферсономъ. Это будетъ намъ понятно, если мы припомнимъ вліяніе т. н. Оссіана на поэзію Державина, Озерова, Батюшкова, и друг. Понятно также и стараніе первыхъ издателей о переводѣ Слова, какъ о главномъ дѣлѣ; ихъ невниманіе къ нѣкоторымъ невразумительнымъ, непонятнымъ мѣстамъ, напр. выраженіе „великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше“—въ изданіи 1800 г. совсѣмъ оставлено безъ перевода. О рукописи Слова въ этомъ первомъ изданіи замѣчено только, что „подлинная рукопись (значитъ, изданіе 1800 г. сдѣлано уже со списка) по своему почерку весьма древняя“. Мнѣнія объ Оссіановскомъ складѣ Слова, особенное вниманіе къ Бояну—барду и къ переложеніямъ Слова господствуютъ отъ 1800 г. до 1813 г. Корыстные поддѣльватели Слова предлагали даже вновь открытые гимны Бояна, конечно, подложные. Но никто въ это время не подумалъ о сличеніи изданія 1800 г. съ рукописью, о снимкахъ съ нея, объ описаніи ея характеристическихъ особенностей.

До московскаго пожара 1812 г., въ которомъ погибла драгоценная рукопись, съ нея было снято, по крайней мѣрѣ, двѣ копіи, если не больше. Такъ еще въ 1795—96 г.г. была сдѣлана копія для императрицы Екатерины II, и эта копія дошла до насъ: она издана Пекарскимъ въ 1864 г., въ V т. Записокъ Академіи Наукъ, но съ ошибками, и болѣе точнымъ образомъ въ Древностяхъ и Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества за 1890 г. Другая копія, служившая оригиналомъ для изданія 1800 г., не дошла до насъ. Въ пожарѣ 1812 г. погибла и значительная часть изданія Слова 1800 г., такъ что теперь первое изданіе составляетъ библиографическую рѣдкость и представляетъ первое прочное основаніе для изслѣдованій, замѣняя рукопись. Съ этимъ изданіемъ принято сличать и текстъ Екатерининской или архивной рукописи, разнящейся отъ изданія 1800 г. преимущественно въ правописаніи.

Послѣ гибели подлинной рукописи Слова въ московскомъ пожарѣ сразу явились запросы о ней со стороны извѣстнаго уже намъ ученаго Калайдовича и проф. Тимковскаго; явились и сомнѣнія въ древности Слова со стороны другого извѣстнаго знатока и собирателя

древнерусской старины того времени, графа Румянцева, и такого исследователя русских древностей, какъ митр. Евгеній. Среди этихъ споровъ выяснились нѣсколько черты пропавшей рукописи, появились нѣкоторые дозательства ея подлинности. Мы уже привели любопытныя свидѣтельства объ открытіи Слова и о рукописи гр. Мусина-Пушкина. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько свидѣтельствъ лицъ, видѣвшихъ подлинную рукопись или только слышавшихъ о ней. По словамъ Калайдовича, Карамзинъ, видѣвшій подлинную рукопись Слова, „замѣтилъ, что гдѣ напечатано: *ончи* Трояни, тамъ читается въ рукописяхъ (?) *спчи*“ (Лѣтописи Русской Литерат. Тихонравова, III, стр. 90). „Онъ (Карамзинъ) тоже находить и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собой буквы *в* и *с* были принимаемы противно“. Отъ типографщика Селивановскаго Калайдовичъ слышалъ, что тотъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореву: „Она написана Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго. Корректуру держали А. Ѳ. Малиновскій, Н. Н. Б.—Каменскій, а третью уже читалъ гр. Пушкинъ¹⁾. Они дѣлали частыя поправки въ корректуру, съ точностью издавая подлинникъ, отъ чего печатаніе шло медленно. Гр. Пушкинъ не имѣлъ права помарывать корректуру“ (Сынъ Отечества 1839 г., VIII, отд. VI, стр. 17). Въ извѣстномъ уже намъ жизнеописаніи гр. Мусина-Пушкина Калайдовичъ говоритъ, что „по словамъ очевидца, пѣснь Игорева писана въ листъ Бѣлорусскимъ почеркомъ“ (но не прибавлено о Димитріи Ростовскомъ). Уже черезъ вторыя—третьи руки дошли до насъ свѣдѣнія о томъ, что извѣстный въ свое время знатокъ славяно-русской письменности, палеографъ Ермолаевъ разсматривалъ рукопись и назвалъ письмо ея полууставомъ XV в.; Малиновскій, по словамъ Дубенскаго (см. ниже его изслѣдованіе), въ концѣ жизни стоялъ за XIV в., а Карамзинъ, по словамъ Калайдовича, относилъ рукопись къ концу XV в. Въ письмѣ 1814 г. къ гр. Мусину-Пушкину Калайдовичъ еще упомянулъ о свидѣтельствѣ А. Ѳ. Малиновскаго, который увѣрялъ, что рукопись писана полууставомъ, переходящимъ въ скоро-

¹⁾ Ср. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли *Бантышъ-Каменскаго* 1847 г., II ч., 458 стр.: „Она (пѣснь о походѣ Игоря) найдена имъ (Мусинъ-П.) въ одномъ Бѣлорусскомъ Сборникѣ... Въ переводѣ этой древней поэмы трудились вмѣстѣ съ нимъ Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій и Алексій Ѳеодоровичъ Малиновскій“.

пись (Безсоновъ: К. О. Калайдовичъ, стр. 99). Е. В. Барсовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ приводитъ еще *третье* свидѣтельство Малиновскаго въ письмѣ къ гр. Румянцеву, что изданіе 1800 г. сдѣлано съ рукописи XVI в. Мятр. Евгеній ссылается также на какихъ-то „очевидцевъ рукописи, которые называли ее не старѣе XVI в.“ (Барсовъ, I, 53).

Какъ разобратся во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ? Заслуживаютъ вниманія попытки разобратся въ этихъ вопросахъ Тихонравова, Смирнова и Барсова (см. изслѣдованія ниже): первый, нисколько не довѣряя показаніямъ Мусина-Пушкина, считая его изданіе ошибочнымъ и опираясь на палеографическія показанія архивной рукописи, пришелъ къ выводу, что рукопись Слова должно отнести къ концу XVI вѣка. Мнѣ кажутся не вполне убѣдительными доводы покойнаго академика Тихонравова и ниже я постараюсь доказать ихъ неосновательность. Проф. Смирновъ, не соглашаясь съ Тихонравовымъ, относитъ рукопись Слова къ XV в., слѣдуя мнѣнію Колосова, высказанному имъ въ „Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка“. Барсовъ старается доказать справедливость мнѣнія Тихонравова и приводитъ нѣсколько самостоятельныхъ домысловъ въ пользу конца XVI в. Домыслы Барсова очень любопытны и представляютъ нѣкоторыя поправки къ свидѣтельству гр. Мусина-Пушкина. Барсовъ относится недовѣрчиво къ разсказу объ Юилѣ, отъ котораго будто бы купленъ хронографъ съ Словомъ о Полку Игоревѣ: „Въ дѣйствительности, говоритъ г. Барсовъ, это просто былъ хронографъ монастырской бібліотеки за № 323. Рѣчь о необыкновенномъ просвѣщеніи этого мужа (Юиля) заведена лишь для отвода глазъ, во избѣжаніе нарѣканія, что оберъ-прокуроръ Св. Синода обираетъ монастырскія бібліотеки... Весьма возможно, что этотъ хронографъ былъ приобрѣтенъ Пушкинымъ даже совсѣмъ не изъ Спасо-Ярославскаго монастыря. Не безъ основанія, конечно, Полевой высказала мнѣніе, что Мусинъ-Пушкинъ досталъ свой сборникъ изъ Пантелеймоновскаго монастыря во Псковѣ. Быть можетъ, Пушкинъ находилъ по чему либо нужнымъ скрывать истинное мѣсто своего приобрѣтенія“. Если послѣднее не вѣрно (въ чемъ мы не сомнѣваемся), то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сборникъ Мусина-Пушкина попалъ къ нему изъ монастырской бібліотеки, быть можетъ,—черезъ Юиля. Въ Ярославлѣ сохранилось дѣло отъ 1791 г. (см. А. В. Лонгиновъ: Историч. изслѣд.

сказанія о походѣ Игоря Святосл., 1892 г., стр. 229) о высылкѣ Мусину-Пушкину *трехъ* изъ пяти хронографовъ, найденныхъ въ библиотекѣ архіерейскаго дома.

Далѣе, Барсовъ остроумно разбираетъ отношеніе начала сборника, заключающаго „Гранаграфъ“, къ концу XVI, къ началу XVII в.в. Однако, тутъ же Барсовъ прибавляетъ, что остальные статьи сборника могли быть приплетены къ хронографу и написаны гораздо ранѣе. Нельзя только согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что повѣсть о Синагрипцѣ, изъ которой Карамзинъ привелъ въ своей Исторіи выдержку по погибшей рукописи гр. Мусина-Пушкина, заключающей Слово о Полку Игоревѣ, относится къ XVI в. Напротивъ, эта редакція Синагриппа ранѣе XVI в. и относится, по крайней мѣрѣ, къ XV в., если не древнѣе (см. А. Н. Пыпина: Очеркъ исторіи старин. повѣстей). Отвергая свидѣтельство гр. Мусина-Пушкина, Тихонравовъ и Барсовъ опираются на недостатки, неточностяхъ изданія 1800 г., прибѣгаютъ къ сравненіямъ съ архивной рукописью, съ бумагами Малиновскаго. По мнѣнію Тихонравова, архивная рукопись даетъ цѣнныя указанія въ палеографическомъ отношеніи и исправляетъ нѣкоторыя чтенія изданія 1800 г.; по мнѣнію Барсова, черновыя бумаги Малиновскаго съ выписками темныхъ мѣстъ изъ рукописи Слова представляютъ точныя выписки, скопированныя съ погибшей рукописи. Но мы не можемъ согласиться съ этими мнѣніями, если только обратимся къ происхожденію этихъ выписокъ и списковъ, къ исторіи издательской дѣятельности гр. Мусина-Пушкина и его сотрудниковъ. Въ 1792 г. Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ извѣстными въ XVIII в. историками, Болтинымъ (умеръ въ 1792 г., въ октябрѣ) и Елагинымъ (ум. въ 1796) издалъ Русскую Правду „со всею точностью, какъ заявляетъ въ предисловіи, въ полъ-страницы церковными буквами ради лучшаго изображенія древнихъ словъ и правописанія, а противъ текста, въ другомъ столбцѣ, поставилъ преложеніе на нынѣшнее нарѣчіе гражданскими буквами“. При изданіи приложены толкованія словъ и словарь съ объясненіями древнихъ словъ. Калайдовичъ отмѣтилъ, что издатели имѣли подъ руками пергаменную рукопись изъ Тихвинскаго монастыря, но при этомъ упрекнулъ издателей въ томъ, „для чего не описана рукопись, съ коей Правда Русская напечатана, не показаны источники, откуда почерпнуты любопытныя извѣстія о правахъ и обычаяхъ древнихъ Руссовъ... и на ка-

нихъ источникахъ основаны важныя замѣчанія о древнемъ нарѣчій сихъ достопамятныхъ законовъ“.

Въ 1793 г. Мусинъ-Пушкинъ издалъ Духовную (какъ онъ называлъ „Поученіе“) Владиміра Мономаха по пергаменному Лаврентьевскому списку лѣтописи „со всевозможною точностію, такъ что не только реченіе, но ниже буква одна не проронена и не переимѣнена“ — церковно-славянскими буквами въ поль-страницы, а съ другой стороны напечаталъ гражданкой и переложеніе, сдѣланное съ помощію пріятелей, „на Славяноросійскій языкъ и присовокупилъ примѣчанія“. Если мы сравнимъ хотя бы только эти два изданія Мусина-Пушкина съ изданіемъ его 1800 г. „Слова о Полку Игоревѣ“, то найдемъ тѣже внѣшніе приемы изданія (изданіе въ два столбца, съ примѣчаніями внизу страницъ; переложеніе на употребляемое нынѣ нарѣчіе), но текстъ Слова напечатанъ не церковнославянскими буквами, а скорописной гражданкой. Можно догадываться, что выборъ такого шрифта для Слова о Полку Игоревѣ произошелъ по двумъ причинамъ, указаннымъ издателями: во первыхъ, Пѣснь Игорева, по опредѣленію издателей 1800 г., писана стариннымъ русскимъ языкомъ; во вторыхъ, ни по матеріалу, ни по почерку письма (т. е. по палеографическимъ признакамъ) рукопись Слова не могла сравниться съ рукописями Русской Правды и Духовной Владиміра Мономаха.

Послѣдняя издана въ 1792 г. по Лаврентьевской лѣтописи. Пользуясь изданіями Археографической комиссіи (между прочимъ, изданіемъ 1872 г. посредствомъ свѣтопечати), мы можемъ провѣрить изданіе Мусина-Пушкина. Несмотря на заявленіе издателей о точности изданія Духовной по рукописи, мы находимъ множество отступленій: въ изданіи 1792 г. наставлены ударенія, знаки придыханія, знаки препинанія и заглавныя буквы, какихъ нѣтъ въ рукописи; раскрыты титла и измѣнены буквы, а нѣкоторыя поставлены произвольно. Такъ вмѣсто ѣ является е и наоборотъ; тоже должно замѣтить относительно м и и, ѝ и ѡ, у и ю, и проч. Заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія ошибки: кто вм. то, будете вм. будет, день вм. днесь (въ рукописи: днѣ), побѣждаетъ вм. побѣждает, лицахъ вм. лицахъ, съ оставкомъ вм. составкомъ, дѣяше вм. дѣяшеть, благовласнымъ вм. блѣвлымъ (читай: благословленнымъ), не домысли вм. не дошелъ; есть пропуски частицъ, вставки лишнихъ буквъ.

Прежде всего мы должны указать на извиняющія оправдывающія обстоятельства для русских издателей конца XVIII в.: въ то время не существовало еще никакого представленія о славянорусской палеографіи и объ исторіи русскаго языка. Труды знаменитаго Востокова въ этомъ научномъ направленіи начинаются съ 1817 г. Но эти ошибки поучительны для правильнаго сужденія объ отношеніи изданія Слова о Полку Игоревѣ 1800 г. къ погибшей рукописи. Едва ли можно послѣ этихъ данныхъ утверждать, что всѣ недостатки изданія 1800 г. принадлежать только списку погибшей рукописи, а не самимъ издателямъ.

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти ошибки Мусина-Пушкина съ сотрудниками, то будетъ совершенно очевидно, какъ шатки доводы Тихонравова и Барсова. Изъ ошибокъ, допущенныхъ въ изданіи Духовной Мономаха, мы можемъ вывести заключеніе, что издатели Слова о Полку Игоревѣ отъ себя подновили правописаніе: напимѣрь, подставили *ъ* въ концѣ предлоговъ и многихъ словъ, спутали—*ъ* и *ь*, *ь* и *е*, и проч., кое-гдѣ неправильно прочли и раздѣлили слова, не соблюдали титлъ и надстрочныхъ знаковъ. Что касается архивнаго или Екатерининскаго списка Слова, то онъ предшествовалъ изданію 1800 г.—года на четыре и былъ результатомъ первыхъ петербургскихъ занятій гр. Мусина-Пушкина рукописью Слова; слѣдовательно, этотъ списокъ, если и имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ близкое отношеніе къ правописанію рукописи, то въ другихъ многихъ отношеніяхъ хуже московскаго изданія Слова 1800 г., копія котораго не разъ подвергалась сличенію съ подлинной рукописью.

Что же можно вывести изъ всего сказаннаго о погибшей рукописи Слова, объ отношеніи къ ней первыхъ издателей?—Большой сборникъ, въ листъ, содержащій хронографъ и переводныя византійскія повѣсти, среди которыхъ было списано и Слово о Полку Игоревѣ, былъ полученъ Мусиннымъ-Пушкинымъ изъ какой-то монастырской бібліотеки. Слово о Полку Игоревѣ могло быть списано въ этомъ сборникѣ съ оригинала, который представлялъ собраніе старинныхъ переводныхъ повѣстей съ Словомъ о Полку Игоревѣ. Можетъ быть, Слово уже въ древности распространялось преимущественно въ подобныхъ сборникахъ, какъ русское поученіе Георгія Зарубскаго, конца XII в., всегда входило въ списки переводныхъ словъ Ефрема Сирина, и т. п. Конечно, рукопись Слова въ сборникѣ Мусина-Пушкина относилась къ

концу XV в. или къ началу XVI в. Намъ не должно удивлять отсутствіе болѣе раннихъ списковъ Слова. Вспомнимъ Поученіе Владиміра Мономаха, дошедшее до насъ въ единственномъ спискѣ XIV в., въ Лаврентьевской лѣтописи 1377 г. Это—памятникъ литературы XI в. Почему же памятникъ конца XII или начала XIII в., какъ Слово о Полку Игоревѣ, не могъ дойти до насъ только въ единственномъ спискѣ XV—XVI в.в.? Въ южной Руси погибли почти все памятники письменности отъ XI до XV ст. Среди религиозныхъ споровъ сберегались еще старыя церковныя книги и надо удивляться, какъ въ монастырскихъ книгохранилищахъ сбереглись повѣсти, апокрифы, отреченныя книги. Рукопись Слова относилась къ спискамъ сѣверовосточной Руси, быть можетъ,—къ псковскимъ спискамъ, знающимъ мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*, *ч* и *ц* (напримѣръ *шизымъ*, *друзѣ*, *Русичи* и *Русици*, *вѣдци* и *вѣчи*, *луди* и *лучи* и проч.). Мусинъ-Пушкинъ, какъ и его современники, былъ поглощенъ переводной работой надъ Словомъ. Среди русскихъ ученыхъ конца XVIII ст. были уже распространены переводы Слова. Малиновскій въ Москвѣ досталъ такой переводъ, когда рукопись и гр. Мусинъ-Пушкинъ находились еще въ Петербургѣ. Копія для Екатерины II, т. н. Архивная рукопись, представляетъ уже результатъ работы Мусина-Пушкина надъ разборомъ рукописи: въ архивномъ спискѣ введена уже новѣйшая пунктуація, раздѣлены слова, подставлены заглавныя буквы при предполагаемыхъ и настоящихъ собственныхъ именахъ, подставлены *ъ*, *ь*—но еще не вездѣ, какъ въ изданіи 1800 г.; наконецъ, есть и незначительные пропуски противъ изданія 1800 г., но за то нѣтъ ничего лишняго сравнительно съ послѣднимъ.

Переходимъ теперь къ изученію Слова въ выдающихся трудахъ и въ главныхъ направленіяхъ. Конечно, въ этомъ изученіи первое мѣсто принадлежитъ первымъ издателямъ Слова 1800 г. Ихъ трудами была разобрана рукопись Слова, выдѣлены слова изъ связнаго письма и придано этимъ словамъ извѣстное значеніе. Въ лѣтописяхъ и еще болѣе въ „Исторіи Россійской“ Татищева первые издатели и истолкователи Слова искали основаній для его объясненія, преимущественно со стороны исторической, почему и предисловіе къ изданію 1800 г. носить одно заглавіе: „Историческое содержаніе пѣсни“. Первымъ издателямъ и истолкователямъ Слова принадлежитъ введеніе и такихъ новыхъ собственныхъ именъ и названій, какъ:

Боянъ, Троянъ, Карна и Жля (предводители половцевъ), Кошея (стр. 22 собствен. имя), Дебрь Кисаню, Бусово время, Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы, Ольберы, Шеломяемъ (10 стр.: село въ области Переясловской), Уримъ, (27 одинъ изъ воеводъ кн. Игоря), Чага (=Кончакъ, 28 стр.), Деремела, Хинова, и проч. Но нѣкоторыя выраженія въ Словѣ отмѣчены первыми издателями, какъ „невыразительныя, неизвѣстныя“; нѣкоторыя—остались и безъ перевода.

Послѣ первыхъ издателей Слова мы должны остановиться на первыхъ скептикахъ въ изученіи Слова. Необычайность открытія этого поэтического памятника XII в. смутила такихъ выдающихся изслѣдователей и собирателей русской старины, конца XVIII—начала XIX ст., какъ извѣстный впослѣдствіи мит. Евгений, до конца жизни не признававшій древности происхожденія Слова (онъ считалъ его позднимъ памятникомъ, написаннымъ не ранѣе XVI в.), какъ гр. Румянцевъ, считавшій Слово поддѣлкой XVIII в. Даже извѣстный Шлецеръ сперва усумнился въ подлинности и древности Слова; но послѣ выхода въ свѣтъ изданія 1800 г., въ изслѣдованіи о Несторѣ, Шлецеръ выразился: „это твореніе въ поэтической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь я болѣе не сомнѣваюсь“. Но никто такъ не сомнѣвался въ подлинности Слова въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ гр. Румянцевъ, „имѣвшій сильныя предразсудки въ опасеніи къ поддѣлкѣ древнихъ рукописей“ (Лѣтописи рус. литер. Тихонравова, III, отд. II, стр. 82). Гр. Румянцевъ старался представить и доказательства подложности Слова. Такъ онъ указывалъ, что слова „Солтани, Венедици, жемчугъ, которой“ не свойственны XII в., а образъ Богородицы Пирогощей перенесенъ изъ Кіева во Владиміръ еще въ 1160 г. кн. Андреемъ Георгіевичемъ. Конечно, эти возраженія гр. Румянцева были неосновательны и могли смущать только начинающихъ заниматься русской филологіей и исторіей въ началѣ XIX ст.; хотя уже Карамзинъ сразу устранилъ одно изъ сомнѣній гр. Румянцева о Богородицѣ Пирогощей. По указанію Карамзина, изъ Кіева во Владиміръ была перенесена въ 1160 г. не Пирогощая икона Богородицы, а—икона, писанная, по преданью, евангелистомъ Лукой. Митр. Евгений не хотѣлъ согласиться съ тѣмъ, что „Пѣснь Игорева“ сочинена была въ XII ст. и относилъ ея происхожденіе къ XV—XVI вв., опираясь на выраженіи Слова „старыми словесы“. Въ этомъ выраженіи Евгений видѣлъ указаніе на поддѣлку автора Слова подъ старинный слогъ.

Индв. 1953 г. 65489

Мало того, почтенный изслѣдователь русской старины не признавалъ въ Словѣ и литературныхъ достоинствъ. Пѣсь Игорева по высокопарности слога напоминала Евгенію болѣе арабскія и татарскія пѣсни, чѣмъ—греческія или сѣверныя саги.

Къ этому же времени относится такое крайнее скептическое мнѣніе о Словѣ, какое высказалъ Гodeбскій (*Dzieła wierszem i prozą Sypg. Godebskiego, Warszawa, 1821 г. II, 308 стр. и далѣе*), приписавъ Слово—сочиненію гр. Мусина-Пушкина: *Wyprawa Jgoga przeciw Połowcom, poeta, Alexego Iwanowicza Mussin-Puszkina*. Г. указываетъ въ поэмѣ „*wszędzie duch późniejszych czasów*“, называетъ Слово—арокруф. Не останавливаясь особенно на этомъ вопросѣ, какъ не вызывающемъ никакихъ сомнѣній (что авторъ Слова—*śpiewak dzisiejszy*, въ родѣ Лафонтена) Г. знакомить съ выдающимися мѣстами Слова и, между прочимъ, почти на 5 страницахъ помѣщаетъ *Żal Eutrozyny Jarosławny, po meżu swoim Igorze*, который на самомъ дѣлѣ является самостоятельнымъ поэтическимъ измышленіемъ Гodeбскаго.

Между тѣмъ Калайдовичъ и Тимковскій, предлагавшіе гр. Мусину-Пушкину вопросы о погибшей рукописи Слова, нашли первыя вѣскія подтвержденія его подлинности. Калайдовичъ открылъ въ пергаминахъ исковаго Апостолѣ 1307 г. слѣдующую приписку на послѣднемъ листѣ (рукопись эта находится въ Московск. Синод. б—кѣ): „при сихъ князехъ сѣяшется и расташе оусобицами. гынаше жизнь наша въ князѣхъ, которы и вѣци скоротинася члѣвемъ“. Въ письмѣ отъ 13 дек. 1813 г. къ гр. Мусину-Пушкину Калайдовичъ пишетъ объ этой находкѣ: „Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія (въ Словѣ: „Тогда при Олѣ Гориславличи сѣяшется и расташеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь—Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци чловѣкомъ скратишась“ по изд. 1800 г.), что сіе любопытное мѣсто столь сходно одно съ другимъ, что кажется игумень Зосима (сдѣлавшій эту приписку въ Апостолѣ 1307 г., начинающуюся словами: „сега же лѣт. быс бой на русьской земли. михаиль съ юрьемъ о княженъ новгородское“) имѣлъ передъ собою Пѣсь Игорева, незадолго передъ нимъ сочиненную“ (К. О. Калайдовичъ. *П. Безсонова. М. 1862 г., стр. 97—98*). Однако м. Евгеній такъ же, какъ современный ученый, академикъ Веселовскій (*Ж. М. Н. Пр. 1877, авг., стр. 306*), думалъ, что эта приписка могла возникнуть независимо отъ Слова о Полку Игоревѣ.

Тимковскій нашелъ еще болѣе вѣское подтвержденіе подлинности Слова, его извѣстности въ древнерусской литературѣ, открывъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, или т. н. „Задонщину“, въ которой находятся подражанія и повторенія изъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ то же время другой списокъ Задонщины былъ открытъ Карамзинымъ, который уже указывалъ на значительное сходство Слова съ Волынской лѣтописью и объяснялъ изъ выраженной лѣтописи многія выраженія Слова. Но для ученыхъ въ началѣ XIX в. оставались совершенно непонятными многія изъ выраженной и собственныхъ названій Слова: Тимковскій и Евгений не понимали сначала даже такихъ словъ, какъ „зегзица, харалужный“, и т. п. Между тѣмъ Калайдовича и его ближайшихъ современниковъ занималъ вопросъ: на какомъ языкѣ написана „Пѣснь Игорева“, на — древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ либо областномъ нарѣчій? Въ 1818 г. Калайдовичъ напечаталъ „Опытъ рѣшенія“ этого вопроса. Въ этой статьѣ Калайдовичъ утверждалъ, что Слово о Полку Игоревѣ написано на славянорусскомъ языкѣ въ южной Руси, близко къ Польшѣ; въ подкрѣпленіе этого мнѣнія К. указывалъ въ Словѣ слова малороссійскія и польскія; но онъ не рѣшался утверждать, какъ слѣдовавшіе за нимъ изслѣдователи, что Слово написано на областномъ малорусскомъ нарѣчій или даже по-польски.

Мы должны здѣсь сказать хотя нѣсколько словъ о первыхъ стихотворныхъ переложеніяхъ Слова, принадлежащихъ Сѣрякову (1803 г.), Палицыну (1808), Язвицкому (1812) и Левицкому (1813). Переводы Сѣрякова, Язвицкаго и Левицкаго написаны тѣмъ же искусственнымъ размѣромъ, какъ извѣстная сказочная поэма Карамзина „Илья Муромецъ“, которой подражалъ молодой Пушкинъ въ лицейскомъ стихотвореніи о Бовѣ. Сѣряковъ держался ближе къ подлиннику; но Левицкій до того распространилъ свое переложеніе излишними подробностями, что его переводъ скорѣе можетъ быть названъ вольнымъ подражаніемъ Слову. Переводъ Палицына написанъ шести-стопнымъ ямбомъ въ стилѣ ложно-классическихъ поэмъ XVIII в. въ родѣ Хераскова. Въ переводѣ Сѣрякова особенно ясны слѣды сентиментализма съ прибавкой вздоховъ, какихъ нѣтъ въ оригиналѣ. Изъ этого можно заключить, что эти первыя стихотворныя переложенія Слова отражали еще недостаточное пониманіе памятника, какъ только поэмы въ родѣ Оссіана.

Въ 1816 г. Карамзинъ въ первыхъ трехъ томахъ Исторіи Государства Россійскаго сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о Словѣ, при чемъ привелъ его содержаніе съ самостоятельнымъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ (III томъ, VII гл.). Изложеніе Слова, сдѣланное Карамзинымъ, признается настолько важнымъ по непосредственному знакомству историка съ погибшей рукописью, что нерѣдко приводится въ изданіяхъ Слова рядомъ съ выдержками изъ лѣтописей о несчастномъ походѣ Игоря. По мнѣнію Карамзина Слово сочинено въ XII в. міряниномъ, ибо монахъ не позволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Источниками или образцами для автора Слова Карамзинъ предполагалъ богатырскія сказки, пѣсни Бояновы и другихъ многихъ стихотворцевъ, которые исчезли въ пространствѣ семи—восьми вѣковъ.

Въ 1819 г. вышелъ переводъ Слова съ примѣчаніями и перепечаткой текста Пожарскаго (Слово о Полку Игоря Святославича, вновь переложенное, и проч.). Въ краткомъ предисловіи Пожарскій такъ говоритъ о своихъ предшественникахъ: „Подлинная оногo (Слова) рукопись принадлежитъ (? въ 1819 г. ея уже не было) Гр. Мусину-Пушкину... Шашковъ сдѣлалъ на оное (переложеніе Мусина-Пушкина) примѣчанія и присовокупилъ свое преложеніе, Палицынъ, Язвицкій и нѣкто Левитскій переложили въ стихи, а Мюллеръ—перевелъ на нѣмецкій языкъ; но сіи послѣдніе твердо положились на переложеніе и примѣчанія, не обративъ вниманія на подлинникъ“. Въ послѣднихъ словахъ довольно вѣрно указано первоначальное направленіе въ изученіи Слова. Новыя сличенія Пожарскаго выраженій Слова съ славянскими языками, особенно съ польскимъ, были признаны Кепшеномъ, митр. Евгеніемъ, гр. Румянцевымъ основательными и дѣйствительно таковы объясненія словъ: крѣситъ, жирныи, зегзица, докуръ, дивъ, хорсъ. Чтобы понять превосходство нѣкоторыхъ объясненій Пожарскаго надъ предшествующими, достаточно указать напр. на слѣдующее. „Дива“ первые издатели переводили „филиномъ“, а Шашковъ разумѣлъ подъ дивомъ „Цоловецкое правительство, пекущееся о безопасности народной“; Пожарскій, —основываясь на понятіяхъ о дивѣ въ славянскихъ языкахъ (польск. dziwъ въ смыслъ чудо, чудовище) объясняетъ диво-чудомъ, чудовищемъ. Первые издатели переводили „до—куръ“ — до Курска, а Пожарскій основательно объясняетъ куръ—пѣтель, пѣтухъ. Пожарскій пытался сопоставлять Слово съ Краледвор-

ской рукописью, только что изданной въ 1819 г. А. И. Смирновъ и Е. В. Барсовъ умаляютъ значеніе труда Пожарскаго и указываютъ даже, что его сопоставленія Слова съ польскимъ яз. подали поводъ польскимъ ученымъ, какъ Бѣлевскому, Вишневному, Лукашевичу и Мацѣевскому, утверждать, что Слово написано польско-русскимъ нарѣчіемъ и составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ достояніе польской литературы. Во всякомъ случаѣ, объясненія Пожарскаго представляютъ успѣхъ въ изученіи Слова. Теперь всѣ усилія изслѣдователей Слова направляются къ уясненію его выраженій путемъ сопоставленія съ славянскими словами и съ древними памятниками. Послѣднимъ представителемъ этого направленія, какъ увидимъ дальше, является Дубенскій уже въ началѣ 40-хъ годовъ.

Въ статьѣ Буткова (Вѣстн. Евр. 1821 г., ч. СХХІ: „Нѣчто къ слову о П. И.“) мы встрѣчаемся едва ли не впервые съ стремленіемъ исправить ошибки въ текстѣ Слова: „погрѣшности переписчиковъ покрыли нѣкоторыя мѣста онаго непонятностію, нѣкоторыя несогласіемъ съ лѣтописями“. Вотъ существенныя поправки Б.: вм. Хрѣсови=Днѣпрови; вм. повелѣя отца=повелѣлъ ять тѣтя; а сынъ Всеволожъ Владиміръ; вм. не шеломяненъ=за; вм. тльковинъ=половинъ (въ изд. 1800 переведено „раковинъ“, у Пожарскаго—мѣшокъ); вм. Уримъ=у Римъ (=Римовъ); Рекъ Боянъ и ходы на=година, или шкody, исходъ (кончину жизни); вм. коганю=коханный; вм. босови=бѣсовы или босые; хинъ, хинова=Гунны. Кромѣ того, Бутковъ старается доказать слѣд.: „шеломъ“=Изюмскій высокій курганъ; Велесъ не богъ, а дѣйствительный дѣдъ Бояновъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1187, 1194 и др.; обращенія сочинителя Слова „братіе“ указываютъ на такія же сообщества нашихъ древнихъ поэтовъ, какія существуютъ на Кавказѣ, въ Кабардѣ—„Кягако“. Къ числу удачныхъ объясненій Б. относится сопоставленіе Олега „Гориславича“ съ прозваніемъ Рогнѣды „Гориславою“ (40 стр.); но объясненія „хоти“ изъ ногайскаго и татарскаго—хотунъ, катунь, и др. нельзя признать удачными.

Въ трудѣ Грамматина 1823 г. („Слово о Полку Игоревомъ, Ироческая поема, писанная въ началѣ XIII в. на славенскомъ языкѣ прозою, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ—другаго буквального преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною“ таково длинное заглавіе этого труда) мы

впервые встречаемся съ поправками текста Слова по изд. 1800 г. Поправокъ этихъ у Грамматина много; нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на незнаніе древнерусскаго языка, другіе—произвольны и очень немногія—основательны. Замѣчательны попытки Грамматина дѣлать перестановки въ текстѣ Слова, таковы: „спали князю умъ похоти *искусити Дону великаго*, и жалость ему знаменіе заступи“ (въ изд. 1800 г.: „Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи *искусити Дону великаго*“); „Рекъ Боянъ и ходы *на Кояня*“ и проч. Къ числу произвольныхъ поправокъ относятся замѣны именъ и названій: Олега—Владиміромъ, Кощя—Гзакомъ, Ярослава—Изяславомъ по Дунаеви—по Донови. Грамматинъ принялъ и чтенія Карамзина: сѣчи вм. вѣчи, по сѣчѣ я вм. повелѣя. Къ числу основательныхъ исправленій можно отнести: къмети вм. къ мети, одѣваху вм. одѣвахъ—те, за шеломянемъ вм. не Шеломянемъ. Въ объясненіяхъ выражений Слова у Грамматина много уже удачнаго, но теоретическія его воззрѣнія на Слово, какъ на литературный памятникъ, не уходятъ далѣе первыхъ толкователей Слова: сравненія съ Оссіаномъ стоятъ на первомъ планѣ. Затѣмъ, слѣдуя ложноклассической теоріи, Грамматинъ называетъ Слово не эпическою поэмою, а только историческою, отыскиваетъ въ ней единство дѣйствія и мѣста, и т. п. Грамматинъ пытался передать Слово въ стихахъ какъ можно ближе къ подлиннику, но выбралъ для образца тотъ же сказочный размѣръ, какимъ уже пользовались его предшественники.

Кромѣ объясненія словъ и выражений въ это время занимаются и сопоставленіями Слова съ лѣтописями. Такова статья Арцыбышева 1826 г. „Игорь или война Половецкая“ (въ Вѣстникѣ Европы, т. 147), посвященная разбору лѣтописныхъ сказаній о походѣ 1185 г. противъ половцевъ. Здѣсь впервые затронуть вопросъ о топографіи этого несчастнаго похода—о рѣкахъ Каялѣ, Сальницѣ и Сюурлѣй. Тоже Арцыбышевъ повторяетъ въ „Повѣствованіи о Россіи“ (см. т. I, стр. 234—240): „едва ли Сальницею не называется рѣка, падающая въ Донецъ съ лѣвой стороны, между Осколомъ и Боровскою“; „Сюурлѣй—не Ольховый ли колодезь, падающій въ Донецъ ниже Боровой 20 верстъ старыхъ“; „Каяла-не Айдаръ ли, падающій въ Донецъ, ниже Ольховаго колодца въ 30 верстахъ?“.

Съ начала 30-хъ годовъ въ изученіи Слова о Полку Игоревѣ наступаетъ второй періодъ развитія скептицизма. Теперь противъ

подлинности Слова выступают такіе ученые какъ Строевъ, Каченовскій, Бѣликовъ, Давыдовъ, Сенковскій, съ болѣе научными приемами, чѣмъ первые скептики, какъ гр. Румянцевъ и др. Ихъ скептическое отношеніе распространялось на Слово, точно такъ же, какъ и на другіе памятники древнерусской письменности.

Не признавая зачатковъ культуры и образованности въ древнерусской жизни, вѣря въ одно только варварство этого отдаленнаго времени и опасаясь подлоговъ, скептики 30—40-хъ годовъ отчасти издѣвались надъ вѣрующими въ старинные русскіе памятники, отчасти старались отыскать доказательства подложности памятниковъ. Мы считаемъ лишнимъ останавливаться на всѣхъ частностяхъ въ мнѣніяхъ скептиковъ. Заслуживаютъ вниманія преимущественно мнѣнія московскаго проф. Каченовскаго, которыя развивали въ своихъ статьяхъ его ученики, и мнѣніе Сенковскаго, который проводилъ особенно рьяно въ текущей журналистикѣ, съ 1834 по 1854 г., недобѣріе къ слову о Полку Игоревѣ. Какъ Каченовскій, такъ и его послѣдователи, особенно Бѣликовъ („Нѣкоторые изслѣдованія о словѣ о П. И.“ — въ Учен. зап. Московск. Унив. 1834), указывали не только на смѣшанный лексическій составъ Слова, на позднее появленіе нѣкоторыхъ предметовъ, которые упоминаются въ словѣ, на анахронизмы и галлицизмы, но и на одинокое положеніе Слова въ древнерусской письменности, на таинственность и неизвѣстность, окружающія Слово и его автора. Одинъ изъ защитниковъ Слова въ 30—40-хъ годахъ (Дубенскій) говоритъ: „удивительно, что даже не вѣрятъ въ бытіе книги, гдѣ сохранилось Слово о Полку Игоревѣ“, т. е. скептики заподозрѣвали Мусина-Пушкина и его сотрудниковъ въ подлогѣ. Бѣликовъ, какъ и другіе скептики, ждалъ разгадки (Строевъ называлъ Слово — „Проблемой Русской Словесности XII в.“) темнаго происхожденія Слова отъ филологическаго изслѣдованія его языка. Каченовскій находилъ въ словѣ слова и фразы, построенныя или по образцу французскихъ, или польскихъ, или по образцу позднѣйшихъ преимущественно великорусскихъ народныхъ фразъ. Последнее выставлялось, какъ доказательство не автентичности Слова на югѣ. Но всѣхъ дольше нападалъ на Слово, какъ мы уже упоминали, редакторъ „Библиотеки для чтенія“, Сенковскій, выходки котораго противъ подлинности Слова тянутся отъ 1834 до 1854 г. Въ 1834 г. Сенковскій высказывалъ мнѣніе, что Слово скроено по образцу поэмъ Оссіана, что

многое въ немъ отзывается повѣйшими европейскими выраженіями, напр. французскимъ языкомъ или утонченной латынью Цицерона и Квинтилиана. Въ Слово много новаго и мало общаго съ средневѣковой поэзіей. Увлеченіе Оссіаномъ въ концѣ XVIII ст. вызвало, по мнѣнію Сенковского, и „опытъ русской поэзіи“. Въ 1837 г. Сенковский, подсмѣваясь надъ вѣрующимъ въ подлинность Слова, Максимовичемъ, утверждалъ, что Слово написано хорошимъ латынщикомъ, который долженъ быть, судя по языку, или сербомъ, или карпаторуссомъ. Въ 40-хъ годахъ не вѣрили Оссіану. Чаттертонъ и Макферсонъ приобрѣли славу ловкихъ поддѣльвателей (что, какъ извѣстно, не совѣмъ вѣрно). Даже Краледворская рукопись успѣла уже въ это время приобрести славу поддѣлки. И вотъ Сенковский въ 1847 г. обращаетъ вниманіе на то, что открытіе Слова совпадаетъ какъ разъ со всѣми этими подозрительными памятниками. Всѣ подобныя находки, говорить онъ, непременно встрѣчаются въ одномъ спискѣ. Въ 1854 г. Сенковский съ обычной своей развязностью и подробнѣе чѣмъ раньше развилъ свое мнѣніе объ авторѣ Слова о Полку Игоревѣ. Приведемъ хотя нѣсколько выдержекъ, сохраняя саркастическія выраженія Сенковского. Авторъ Слова, по его мнѣнію, „русскій прошлаго столѣтія (XVIII), человекъ, уже занимающійся отечественною исторіею ученымъ образомъ... Воспитанъ онъ въ семинаріи, или въ духовной академіи. Объ историческомъ предметѣ онъ берется написать не сочиненіе свѣтскаго покроя, но Слово и даетъ труду своему форму Слова—начинаетъ обращеніемъ къ братіи и, истощивъ все свое риторическое искусство на перорачію, пропозицію, экспозицію, адмоницію, конклюдію, оканчиваетъ словомъ „аминь“. Онъ ученый мѣологъ, читавшій разныя о ней разысканія. Онъ пишетъ не Вѣлосъ, Хоресъ, а правильно Велесъ, Хорсъ. Онъ критикуетъ Бояна... Онъ, или питомецъ Львовской академіи изъ Русскихъ, или питомецъ Кіевской академіи изъ галичанъ, написалъ онъ это Слово на заданную тему по части риторики и піитики около времени Петра Великаго или въ началѣ царствованія Сигизмунда Августа, когда развилась страсть къ мѣологіи“, и проч.

Сущность возрѣній скептиковъ на Слово сводится къ двумъ главнымъ мнѣніямъ: одни считали этотъ памятникъ—поддѣлкой XVIII в. и искали въ немъ французскихъ выраженій русскихъ образованныхъ людей этого вѣка; другіе скептики считали Слово позднимъ памятникомъ XVI—XVII в.в. и искали въ немъ особенностей литературной

рѣчи югозападныхъ писателей этого времени. Замѣчательно, что послѣ скептиковъ 30—40-хъ годовъ никто уже позднѣе не поднималъ въ русской печати вопроса о сомнительномъ или подложномъ происхожденіи Слова о Полеу Игоревѣ¹⁾, однако скептическое отношеніе къ слову о П. И. оказало вліяніе на его дальнѣйшую разработку, конечно, вліяніе отрицательное. Въ защиту Слова явились уже въ 30-хъ годахъ не только полемическія статьи, но и нѣкоторыя изслѣдованія Слова въ новомъ научномъ направленіи.

Въ 1834 г. явились двѣ статьи въ защиту Слова—Руссова (О подлинности стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ Слова) и Буткова (Сынъ От., № 52: О войнѣ в. кн. Святослава съ Тугорканомъ). Руссовъ старался доказать невозможность поддѣлки тѣмъ, что пришлось бы для этого изучить множество языковъ, памятниковъ древности, археологію, и проч. Слабость возраженій Р. проявляется особенно въ томъ, что предполагаемое сходство нѣкоторыхъ выраженій Слова съ языкомъ писателей XVIII в. онъ объяснялъ особенной гениальностью автора Слова. Бутковъ основательнѣе указалъ на древнерусскія лѣтописи, въ которыхъ находятся многія изъ словъ, заподозрѣнныхъ скептиками, (оксамить, пардусъ, туръ, и проч.). Еще съ болѣе основательными возраженіями выступилъ Максимовичъ. Но мы упомянемъ прежде о взглядахъ на Слово Полеваго Н. (въ „Исторіи Русскаго Народа“, 1830 г. и въ Москов. Телегр. 1833 г.) и Глаголева („Умозрительныя и опытыя основанія Словесности“, 1834 г.). У Полеваго мы впервые встрѣчаемся съ мнѣніемъ о развитіи древнерусской поэзіи, о пѣвцахъ въ древней Руси и предшествующихъ слову „пѣснопѣніяхъ“. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ до XIII в. (напр. о смерти Аскольда и Дира, о походѣ Олега на Царьградъ, о смерти Олега, и пр.), которыя П. сравниваетъ съ сагами, онъ видитъ мифическо-героическую поэзію

¹⁾ Однако въ нѣмецкой литературѣ мы встрѣчаемся въ 1868 г. съ такимъ страннымъ мнѣніемъ *Каррьера* (*Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwicklung etc. Moriz Carriere, III b., 2 abt., 29—30 стр.*): „Gedichte auf Jgor's Zug, in welchem angeblich eine Begebenheit aus dem Jahre 1185 in der Sprache des 14 Jahrhunderts besungen sein soll (?). Wesz Geistes Kind das Ganze ist... Es ist für mich unzweifelhaft eine Nachahmung des Macpherson'schen Ossian. In sprachlicher Hinsicht bestätigt mir Bodenstedt dies (очевидно, Bodenstedtъ раздѣлялъ еще старинный взглядъ Каченовскаго съ его аргументаціей) durch die Bemerkung, dass Ausdrucksweisen und Wörter verschiedener Dialekte und Jahrhunderte vermengt sind“.

Руссовъ, которая завершилась Словомъ о П. И. Отсюда въ Словѣ смѣшеніе язычества съ христіанствомъ. Слѣдующее развитіе поэзіи въ поэмахъ, какъ сказаніе о Задонской битвѣ, принимаетъ характеръ религіозно-героическій и выражается въ прозаической формѣ. Интересно, что П. усматривалъ въ лицѣ „Трояна“ Слова о П. И. в. кн. Владиміра св.—Глаголевъ первый обратилъ вниманіе на постоянные эпитеты въ Словѣ о П. И., на символику, сравненія отрицательныя, изображенія сраженія въ образахъ брачнаго пира или земледѣльческихъ занятій.

Максимовичъ первый указалъ на сходство всѣхъ этихъ особенностей стили Слова съ русской народной поэзіей, и это былъ важный шагъ въ научной разработкѣ Слова. Это было начало новаго научнаго направленія, которому вскорѣ придалъ общій смыслъ Буслаявъ, указавъ на міѳологію Слова. Мы уже упоминали выше, что В. Гриммъ еще въ 1812 г. обратилъ вниманіе на поразительное сходство Слова съ народной поэзіей; но въ русской литературѣ статья эта осталась незамѣченной, и Максимовичу, дѣйствительно, принадлежитъ честь первыхъ сличеній Слова съ народной поэзіей. Въ III т. Собранія сочиненій М. А. Максимовича (изд. въ Кіевѣ, 1880 г.) помѣщены всѣ статьи его о Словѣ, въ началѣ которыхъ стоитъ цѣлый курсъ, посвященный одному Слову о Полку Игоревѣ. Этимъ курсомъ М. открылъ чтенія по Исторіи русской словесности во вновь открытомъ Университетѣ св. Владиміра въ 1834—35 г.г. (Лекціи эти были напечатаны въ Журн. Мян. Нар. Пр. 1836—37 г.г.). Слово о П. И. Максимовичъ разсматриваетъ, какъ памятникъ „самородной древней русской поэзіи, имѣющей и важное историческое значеніе, поэтому онъ называетъ его „пѣсноповѣстью“. Изложивъ содержаніе и планъ Слова, раздѣленнаго для удобства на 14 частей, М. останавливается „на духѣ“ Слова, на „образѣ выраженій“ и языкѣ его. Внутреннее содержаніе Слова, его духъ М. открываетъ въ двухъ началахъ: въ любви къ землѣ Русской, къ ея славѣ и въ вѣрѣ въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Изъ первой любви происходятъ: ратный духъ, любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ, любовь къ пѣснопѣнію, изображенія битвы и смерти и любви женской. Духъ вѣры отражается: съ одной стороны, въ христіанскихъ представленіяхъ; съ другой,—въ слѣдахъ язычества, въ вѣрованіяхъ въ міръ духовъ, въ чудесное, въ знаменія природы. Затѣмъ М. разсматриваетъ образы выраженія въ Словѣ: подобія, народно—

поэтическую символику птицъ и звѣрей, повтореніа. Здѣсь М. старается привести Слово въ тѣсную связь съ южнорусскою поэзіею, при чемъ преимущественно опирается на изданныя имъ украинскія пѣсни, хотя приводитъ и нѣкоторыя пѣсни великорусскія. Особенно любопытна народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей: соколъ—символь храбрости и быстроты въ нападеніи, соловей—эмблема пѣвца, зегица—символь сиротства и родственной печали, вороны и галки—вѣстники горя и смерти, волкъ—символь быстроты, и проч. О языкѣ Слова М. высказался, что онъ представляетъ соединеніе книжнаго славянскаго яз. (т. е. церковнославянскаго) съ народнымъ областнымъ, южнорусскимъ: „Языкъ Слова напоминаетъ языкъ Нестора, Мономаха, Кіевской и Волынской лѣтописей; онъ сильный, живой, звучный и яркій, несмотря на его разностихійность пестроту и неустойчивость грамматическую“. Касаясь вопроса о пѣсенномъ складѣ Слова, М. отвѣчаетъ: „Пѣснь Игорю могла быть сложена стихами и не для пѣнія и наоборотъ: могла быть пѣтою, не бывъ вся стихотвореніемъ“. Такимъ образомъ, М. считалъ Слово по происхожденію исключительно книжнымъ сочиненіемъ.

Въ 1837 г. М. издалъ текстъ Слова съ поправками, въ которыхъ стремился придать однообразіе правописанію Слова (напр. въ постановкѣ глухихъ з, ѣ передъ плавными вездѣ по-русски и др.); затѣмъ указывалъ предполагаемыя перестановки и вставки въ Словѣ. Такъ два эпизода—воспоминаніе объ Олегѣ Гориславичѣ и о полоцкихъ князьяхъ—М. считалъ вставками, а извѣстное затруднительное мѣсто—„Рекъ Боянъ и ходы на“ присоединялъ къ словамъ Бояна о Всеславѣ: „ни хитру, ни горазду“, и пр. Въ этомъ отношеніи М. является предшественникомъ Буслаева и особенно Потебни.

Изъ позднѣйшихъ статей Максимовича особенно интересны: разборъ перевода Слова—Гербеля и объясненіе затруднительнаго мѣста „нъ рози нося имъ хоботы пашуть“, принимая „рози“ въ значеніи роговъ молодого мѣсяца и опираясь на изображеніи военной хоругви на миниатюрахъ при житіи Бориса и Глѣба по списку XIV в.

Въ 1838 г., въ 3 т. „Русскаго Историческаго Сборника“ И. Снегиревъ напечаталъ: „Повѣданіе о побоицѣ в. кн. Дмитрія Ив. Донскаго“, „Слово о жити и о преставленіи в. кн. Дмитрія Ив. Царя Русскаго“ и „Слово о Пльку Игоревѣ“, при чемъ указалъ на поразительное сходство съ послѣднимъ Повѣданіа и Слова

о в. кв. Димитріи Донскомъ. Это сходство С. сравниваетъ съ отноше-
ніемъ списка къ подлиннику. Но особенно интересны замѣчанія С. къ
Слову о П. И., текстъ котораго онъ напечаталъ съ собственными по-
правками. Еще ранѣе интереснаго указанія Тихонравова на сходство
извѣстнаго мѣста Слова о перстахъ, которыя Боянъ вскладывалъ на
живыя струны съ началомъ „Слова о Лазарѣ четверодн.“: „рече бо
Давыдъ Царь накладывая многочестныя персты на живыя струны“
(стр. 108, прим. 4),—Снегиревъ указалъ это сходство. Изъ другихъ
поправокъ и замѣчаній С. заслуживаютъ вниманія: объясненіе „стру-
жія“ изъ Данила Паломн. (позднѣ на это обращаетъ вниманіе Прозо-
ровский), сравненіе многихъ выраженій Слова съ лѣтописными, раздѣ-
леніе „кисаню“ на „къ“ и „Саню“ (подобно Макушеву, но подъ
„Саней“ С. разумѣлъ рѣку, на которой стоитъ Перемышль); объяс-
неніе „шерешеры“ изъ *σάρισσα*—копье (тоже указываетъ въ Москов.
Унив. Изв. 1866—67, № 2, стр. 168 критикъ изд. Тихонравова); вм.
„меча времени“—бремены (со ссылкой на выраженія Патер. Печерск.);
„исхотию на кровать“ сравнено съ рыцарскими выраженіями: *au*
dem Bette der Ehre sterben, *mourir au lit d'honneur*—на кровати
чести (т. е. на полѣ битвы) умереть; „стригуемъ“ отъ стрѣгати срав-
нены съ нѣм. *Streitaxte*—бердыши; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предполо-
жены пропуски, и проч. Конечно, есть и неосновательныя замѣчанія,
въ родѣ „пороси-не пороки ли, стѣнбятныя орудія“?

Въ 1841 г. въ I т. „Сказаній Русскаго Народа“ Сахаровъ
сдѣлалъ подробный обзоръ изданій, переводовъ и изслѣдованій Слова
о П. И. и здѣсь же коснулся подлинности Слова, отстаивая его про-
тивъ скептиковъ. Самый текстъ Слова напечатанъ у него съ незна-
чительными поправками противъ перваго изданія Слова и съ раздѣ-
леніемъ его на 12 пѣсень. Нѣкоторыя изъ поправокъ С. неудачны,
напр. „мужайтеса“ вм. мужаймѣся.

Изданіе „Сказаній Русскаго Народа“ вызвало обширную статью
Бѣлинскаго (въ Отечеств. Зап. 1841 г. и въ 5 т. Полнаго Собр.
Сочин. Бѣлинскаго), въ которой онъ остановился и на Словѣ о П. И.
Слѣдуя Максимовичу, Б. признаетъ особенно близкое сходство Слова
съ малорусской народной поэзіей,—почему рядомъ съ влияніемъ по-
эзіи языческаго быта находить въ Словѣ „отпечатокъ поэтическаго
и человѣчнаго духа Южной Руси“. Вообще Слово, по мнѣнію Б.,
„прекрасный благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи“. Б.

предполагаетъ, что Слово дошло до насъ съ пропусками и съ значительными искаженіями; но самъ не останавливается на этомъ вопросѣ— „на бессмыслицахъ и темнотахъ“ и въ прозаическомъ пересказѣ Слова переводитъ: тльковинъ=раковинами; „напорзи“=латами какъ первые издатели Слова (V т. стр. 75), а передъ „чагой“ и „кощеемъ“ ставитъ знакъ вопроса; но большею частію совсѣмъ опускаетъ трудныя мѣста. Бѣлинскаго, съ его эстетической точки зрѣнія, занималъ другой вопросъ: можно ли согласиться съ мнѣніемъ, что Слово такое же эпическое произведеніе, какъ Илиада, какъ западно-европейскія поэмы. Припомнимъ взгляды предшественниковъ Бѣлинскаго на этотъ вопросъ. Съ конца XVIII в. утверждается взглядъ на сходство Слова съ пѣснями Оссіана. Послѣдователи ложноклассическаго направленія и зарождающагося романтическаго находятъ что-то дикое въ Словѣ, какъ и въ Оссіанѣ. И это мнѣніе повторяетъ еще въ 1837 г. Иванчинъ—Писаревъ во „Взглядѣ на старинную русскую поэзію“. Но онъ же ставитъ Слово выше произведеній французскихъ труверовъ. Погодинъ уже находитъ сходство Слова съ скандинавскими сагами. Бѣлинскій рѣшительно расходится со всѣми этими мнѣніями и считаетъ невозможнымъ сравнивать Слово съ иностранной поэзіей.

Заслуживаетъ вниманія и небольшая замѣтка Вельтмана 1842 г. (Москвитянинъ) о томъ, что „Бояна“ Слова надо раздѣлять на частицу „бо“ и „Яна“ Вышатича, упоминаемаго не разъ въ лѣтописи, напр.: „старецъ добрый, жилъ лѣтъ 90 (род. въ 1016 г. при Ярославѣ и ум. 1106 г. при Олегѣ Черниговскомъ), у него же и азъ (говоритъ лѣтописецъ) многа словеса слышахъ еже и писахъ въ лѣтописаніи семь“. Это предположеніе допускалось и позднѣе нѣкоторыми изслѣдователями (напр. г. Лонгиновымъ, въ 1892 г., стр. 91 „Историч. изслѣдованія“).

Въ 1845 г. въ „Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней“ Шевыревъ разсмотрѣлъ Слово о II. И. въ 10-й лекціи. Начавши съ внѣшней исторіи Слова, съ защиты его подлинности, III. останавливается на двухъ сторонахъ Слова: на исторической и на поэтической. Съ исторической стороны III. разсматриваетъ три эпохи, отразившіяся въ Словѣ (X—XI в.в., съ половины XI—до полов. XII в. и современную Слово). Здѣсь же III. касается трудныхъ вопросовъ: о Троянѣ, Боянѣ и объ авторѣ Слова. Вотъ сущность его мнѣнія. Въ Троянѣ онъ видитъ римскаго императора, воспоминаемаго южными

Славянами въ Дакіи и въ Валахіи. Но въ Боянѣ опъ не признаеть южнославянскаго происхожденія (что уже указывалъ Венелинъ), не соглашается и съ мнѣніемъ Вельмана о Янѣ. Ш. считаеть Бояна русскимъ пѣвцомъ XI в., современникомъ Всеслава,—такимъ же пѣвцомъ, какъ упоминаемые лѣтописью—Митуса и Тимошей Книжннкъ. Авторъ Слова, по мнѣнію Ш., безличенъ; главное чувство въ Словѣ грусть, и проч. Поэтическую сторону Слова Ш. видитъ въ красотахъ природы: природа живетъ въ Словѣ. Плачь Ярославны—причетъ. Въ основаніи лекціи Ш. о Словѣ въ значительной степени легли статьи Максимовича.

Лекція Шевырева вызвала письмо Погодина (Москвитянинъ 1845 г., № 1), въ которомъ П. утверждалъ, что наше Слово сходно съ скандинавскими сагами и что такихъ пѣсенъ—словъ у насъ было много. Пѣвца Слова П. сравниваетъ со скальдами. Но противъ этого мнѣнія Погодина возсталъ Максимовичъ (тамъ же, № 3) и поддерживалъ свое мнѣніе о самобытности или своеобразіи Слова. Однако, Погодинъ остался также при своемъ мнѣніи и повторилъ его въ 1871 г. въ „Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига“ (т. II, 2, стр. 724).

Въ 1844 г. Дубенскій издалъ „Слово о Полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ“, которое, какъ мы уже упоминали, завершало собой цѣлое направленіе въ изученіи Слова; на смѣну этому направленію явились изслѣдователи мифологи. Большую часть книги Дубенскаго занимаетъ текстъ Слова о П. И., его переводъ и множество подстрочныхъ примѣчаній, относящихся къ тексту и содержащихъ грамматическій разборъ Слова, сличеніе его съ древними памятниками, особенно съ лѣтописями. Въ концѣ книги Д. приложенъ словарь всѣхъ выраженій Слова съ грамматическимъ разборомъ, а въ началѣ—взглядъ на исторію литературы Слова. Здѣсь Д. упомянулъ о своихъ предшественникахъ, подробно остановился на отношеніи Слова къ Задонщинѣ, пытался сравнить Слово даже съ посланіемъ Даніила Заточника. Но главная задача Д. оставалась таже, что и у его предшественниковъ, начиная съ Калайдовича: доказать подлинность Слова и вмѣстѣ съ тѣмъ древность его языка,—отчего Д. и обратилъ такое вниманіе на грамматическій разборъ Слова, причемъ руководствовался исключительно извѣстной грамматикой Добровскаго (*Institutiones linguae slavicae* 1821 г. и въ

руск. пер. 1833 г.). Авторитетъ Добровскаго завелъ далеко Дубенскаго, такъ что послѣдній утверждалъ, что „Слово о П. И. подтверждаетъ вѣрность системы, принятой Добровскимъ, и наоборотъ—грамматика его указываетъ на непреложность формъ Слова“ (XLV). Въ примѣчаніяхъ къ тексту Слова Д. приводитъ предшествующія разъясненія и свои; изъ послѣднихъ замѣчательны слѣдующія: онъ высказываетъ предположеніе о южнославянскомъ происхожденіи Слова о П. И. (что позднѣе развито Вс. О. Миллеромъ), „Боянъ Велесовъ внукъ= южный славянинъ“ (стр. 38); „на 7 вѣцѣ Трояни“ понимаетъ двояко: вѣкъ римск. имп. Трояна былъ 7 отъ республики, но, вѣрнѣе, подъ Трояномъ разумѣется в. кн. Владиміръ I (мнѣніе Н. Полеваго); папорзи=крылья, крылатые племя (163); Деремела=лотышское племя (165); Тмутороканскій блъванъ=язычество Половцевъ, овладѣвшихъ христіанской Тмаутороканью (40). Заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя поправки Д.: вм. „нъ рози нося“—розно, разно (208); вм. „горъ подъ облакы“=горѣ (216); вм. „ропущени“=ропужени; вм. „свивая славы“=славью или славы—посоловьиному; вм. „на канину“=тбанъ ину, и проч. Изданіе Слова—Дубенскаго было лучшимъ до появленія изд. Тихонравова въ 1866 г.; но общій взглядъ Дубенскаго на Слово, связанный со всѣмъ предыдущимъ его изученіемъ смѣнился новымъ еще въ сороковыхъ годахъ, прежде всего въ трудахъ О. И. Буслаева.

Буслаевъ съ первой же печатной статьи своей, появившейся въ 1842 г. въ Москвитянинѣ (№ 11 „Сербская сказка о царѣ Троянѣ“), обратился къ изученію Слова о П. И. Мы разсмотримъ здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, всѣ выдающіяся статьи его о Словѣ, чтобы представить въ большей цѣльности новое направленіе въ изученіи Слова. Въ первой статьѣ 1842 г. Б. пытается объяснить загадочную личность „Трояна“ въ Словѣ изъ сербской сказки о Троянѣ, ѣздившемъ по ночамъ въ Сръмъ и растаявшемъ отъ солнечныхъ лучей. Этотъ „баснословный, поэтический Троянъ“ и связать въ Словѣ съ давней порой Бояна, съ языческими божествами, съ оборотнемъ Всеславомъ. Въ 1844 г. въ извѣстной книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“, имѣвшей два изданія (2-е въ 1867 г., съ измѣненіями), Б. указалъ отношеніе поэтическаго языка Слова къ памятникамъ русской народной словесности и древнерусской письменности, преимущественно къ лѣтописямъ. Собственно, уже до Б. Максимовичъ первый коснулся отношенія Слова къ русской народной поэзіи, преи-

мущественно къ малорусскимъ думамъ. Б. только дополнилъ эти замѣчанія сравненіями съ великорусской народной поэзіей и придалъ систему сравненіямъ Максимовича. Точно также и въ сравненіи Слова съ лѣтописями Б. имѣлъ предшественника въ лицѣ Шевырева, который напечаталъ въ Москвитинѣ 1843 г. критическую статью о второмъ томѣ Полнаго Собр. Рус. Лѣтописей. Но было и нѣчто новое въ статьяхъ Буслаева.

Это новое направленіе всего яснѣе отразилось въ разборѣ Б. книги Дубенскаго (Москвитинѣ 1845 г. № 1). „Существенный недостатокъ Дубенскаго и всѣхъ предшествующихъ издателей и комментаторовъ Слова, говоритъ Буслаевъ, тотъ, что они исключительно останавливались на объясненіи отдѣльныхъ выраженій, на доказательствахъ подлинности Слова, не касаясь его внутреннего содержанія, которое имѣетъ прежде всего отношеніе къ нашей древней мифологіи и народнымъ повѣрьямъ. Въ этомъ отношеніи заключается главное поэтическое значеніе Слова о П. И. Мифологическія повѣрья составляютъ душу этого произведенія, потому что вѣщее предзнаменованіе, оправданное гибелью дружины Игоревой, есть идея всего Слова, такъ что всѣ части Слова истекаютъ изъ нея: и сонъ Святослава, и обращеніе къ князьямъ, и плачь Ярославны. Прежніе комментаторы объясняли все это тропами, риторическими украшеніями“. Въ 1848 г., въ сочиненіи „О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ“ Б. объясняетъ нѣсколько выраженій Слова (копія поютъ, стязи глаголютъ 25 стр., дивъ 28, дѣва съ лебедиными крылами 33, Дажь Богъ 48, синяя молнія 60, вѣщій Всеславъ 75, гнѣздо вм. семьи 159, жизнь Дажь-божа внука 161) изъ сходныхъ выраженій скандинавской поэзіи, нѣмецкихъ народныхъ преданій и славянской народной поэзіи, возводя всѣ эти сходные образы и выраженія къ древнѣйшей мифологической эпохѣ. Въ 1850 г. Б. напечаталъ статью „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“ по поводу сборника пѣсенъ Максимовича. Здѣсь Б. вводитъ Слово въ область сравнительнаго изученія, старается придать внутренней мифологической смыслъ образамъ Слова, сходнымъ или даже тождественнымъ съ русской, славянской народной поэзіей и съ средневѣковой поэзіей другихъ народовъ, особенно германскихъ. Здѣсь же Б. обратилъ особенное вниманіе на Бояна, какъ на представителя множества другихъ неизвѣстныхъ пѣвцовъ, въ памяти которыхъ были свѣжи еще мифологическія и героическія основы русской

поэзии. Эту мысль Б. развилъ въ статьѣ 1859 г. „Русская поэзія XI и начала XII в.“ Здѣсь онъ отнесъ къ „старымъ словесамъ“, къ „замышленію Бояна“ всѣ мифическіе намеки въ Словѣ, считая ихъ только повтореніемъ изъ древнѣйшей поэзіи и относя къ такимъ же заимствованіямъ всѣ историческія воспоминанія автора Слова до времени Игоря Святославича. И въ другихъ статьяхъ своихъ, собранныхъ въ „Историческихъ Очеркахъ Русской народной Словесности и искусства“ (1861 г., особенно т. I), Б. не разъ касается Слова о П. И. Упомяну только о названіи плача—пѣсни Ярославны—заговоромъ, заклианіемъ на оружіе, на солнце, вѣтеръ и рѣку (стр. 8, 35, и др.), съ чѣмъ позднѣе не хотѣлъ согласиться одинъ изъ мифологовъ, Ор. Миллеръ (Опытъ Историч. обзор. русск. словесн. 1865 г., стр. 367).

Въ 1851 г. появились интересныя „Замѣчанія на Слово о П. И.“ кн. П. П. Вяземскаго (Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. кн. 11 и 1853, кн. 17). Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если здѣсь же коснемся и позднѣйшаго труда кн. Вяземскаго—„Замѣчанія на Слово о П. И.“ 1875 г., въ которомъ онъ полнѣе развилъ воззрѣнія, высказанныя въ 1851 г. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, авторъ Слова изучилъ Гомера и какъ послѣдній по преимуществу ποιητής безъ придачи собственнаго имени, такъ боянъ вообще поэтъ по этимологическому значенію слова отъ „баяти“; Троянъ заимствованъ изъ средневѣковыхъ Троянскихъ сказаній, „Тропа Трояна“=τροπή возвратъ Троянскій, дѣва-обида=Элена Троянскихъ сказаній. Уже Пыпинъ въ „Очеркѣ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей“ 1858 г. указалъ на крайности гипотезы кн. В. и только Вс. Миллеръ и акад. Веселовскій до нѣкоторой степени, но съ другими научными приѣмами, приняли гипотезу кн. В. Собственно кн. В. задался широкой темой: „обратить вниманіе на современное Слово о П. И. состояніе образованности и на литературное направленіе того времени какъ въ Россіи и въ Восточной Имперіи, такъ и на Западѣ и разсмотрѣть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII в. по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ“. Однако, тутъ же кн. В. замѣчаетъ, что „сочинитель Слова—оригинальный и великій художникъ“, между тѣмъ какъ „французскія и нѣмецкія поэмы—подражанія и компіліція ремесленниковъ. Сближеніе съ ними Слова въ литературномъ отношеніи столь же было бы неразумительно, какъ и причисленіе Слова къ разряду русскихъ стихо-

творныхъ сказокъ“. Въ позднѣйшемъ трудѣ своемъ кн. В. собралъ массу всевозможнаго сравнительнаго матеріала, изъ котораго кое-что можетъ быть пригодно и для объясненія Слова.

Около этого же времени ориенталисты Эрдманъ и Березинъ отмѣтили слѣды азіатизма въ Словѣ о П. И. Подобныя попытки существовали уже въ 20--30-хъ годахъ, напр. въ статьяхъ Буткова, но отличались произволомъ. Отчасти такова же попытка и Эрдмана, который пытался вывести изъ азіатскихъ языковъ такія слова, какъ „куръ (на восточное происхожденіе этого слова, указывалъ уже Дубенскій, стр. 198), дѣва-обида, милья хоти, великій жемчугъ, упи закладаше“ и проч. Болѣе удачна попытка Березина, (въ Москвитинѣхъ 1854 г.), указавшаго на туранское происхожденіе: названій половецкихъ князей—„Кза и кончакъ“ гусь и собака, карна—тазь, Жля—сѣдой, кобьякъ—собака, чага—дикое дитя, ортыма—покрывало и др. Замѣтимъ здѣсь, что въ статьѣ г. Каллаша (Русск. Филол. Вѣстн. 1890 г., I) объяснены изъ туркестанскихъ названій: чага—женщина работница, или пастухъ, а кощя—„кошча“—годовой работникъ, имѣющій отъ хозяина землю. Подобныя объясненія представляютъ поправки и дополненія къ статьѣ Березина.

Въ 1853 г., въ 3 т. „Исторіи Россіи“ Соловьевъ высказалъ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній о Словѣ. Прежде всего онъ указываетъ на лѣтописныя подробности похода, которыя объясняютъ возможность и необходимость существованія Слова. С. думаетъ, что сочинитель Слова могъ быть и не изъ Сѣверской земли (какъ предполагалъ Максимовичъ), не только съ лѣваго берега Днѣпра, такъ какъ племя Ольговичей стояло въ это время на первомъ мѣстѣ во всей Южной Руси. Подъ именемъ „старога Владиміра“ С. вездѣ понимаетъ Владиміра Мономаха, поэтому онъ предполагаетъ пропуски въ Словѣ, напр. отсутствіе разсказовъ о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами. Что касается отношенія Слова къ лѣтописнымъ повѣствованіямъ о походѣ 1185 г., то С. находитъ между ними сходство и объясняетъ отличія Слова—поэтическими украшеніями; въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ больше подробностей, которыя объясняютъ и нѣкоторые намеки Слова. Интересны и примѣчанія С., напр. объ эпитетѣ „многовой“ Ярославъ.

Въ 1858 г. И. И. Срезневскій въ „Извѣстіяхъ Акад. Наукъ по отд. Рус. яз. и Слов.“ (VI т., 337 стр. и далѣе), по поводу Задон-

щины, высказалъ слѣд. взглядъ на Слово о П. И. и на отношеніе его къ Задонщинѣ: „опровергнуть, что Слово о П. И. не было достояніемъ однѣхъ книгъ—задача нелегкая. Защищать, что и Слово о П. И. не произносилось, или не напѣвалось, какъ доселѣ напѣваются и голосятся притчи и стихи, думы и былины—задача трудная. Гораздо легче предполагать противное. Такъ и я позволяю себѣ предполагать: думаю, что и Слово о П. И. принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи, къ числу такихъ же поэмъ, каково—Слово о Задонщинѣ. Оно записано было ранѣе, и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками. Кому покажется страннымъ какъ могли произведенія такого обширнаго размѣра удерживаться въ памяти, тотъ пусть вспомнитъ о русскихъ духовныхъ стихахъ... Слово о Задонщинѣ—подражаніе Слову о П. И., но не ему одному исключительно, а вообще тому роду поэмъ, къ которому принадлежало это слово; оно—одно изъ проявленій того же поэтическаго одушевленія, которымъ проникнуть былъ и слагатель Слова о П. И.“. Это мнѣніе Срезневскаго повторялось нѣкоторыми и позднѣе (Стоунинъ, Житецкій).

Въ „Опытѣ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской“, 1864 г., П. Н. Полевой Слово разсмотрѣно въ связи съ германскими и съ чешскими поэтическими произведеніями по общности формы и приемовъ выраженія въ связи съ бытомъ и съ понятіями челоуѣка о природѣ. Слово о П. И. Полевой считаетъ записаннымъ въ XIV—XV в.в., а до того времени, по его мнѣнію, оно было изустнымъ произведеніемъ XII в.; уже до него могли существовать другіе подобные памятники, такъ какъ вельзя представить себѣ такого прекраснаго памятника безъ предшествующаго ряда произведеній, способствовавшихъ его постепенному развитію. Но утверждая, что Слово до записи распространялось и создавалось устнымъ путемъ, П. находитъ незаконными и странными сравненія Слова съ русской народной поэзіей, попытки доказать его народность. Выходитъ какое-то странное недоразумѣніе? Вѣроятно, это произошло отъ того, что П. рѣзко отдѣлилъ пѣвцовъ эпопей отъ народной поэзіи. Интересно слѣдующее сравненіе славянскихъ памятниковъ съ германскими: „Славянскіе памятники, уступая германскимъ въ древности, имѣютъ передъ ними важное преимущество въ томъ, что дошли до насъ въ гораздо менѣе искаженномъ видѣ; германскіе памятники сло-

жились изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, подверглись литературной обработкѣ, тогда какъ славянская поэзія и не пошла далѣе пѣсни или *Слова*, очень близкаго къ ней“.

Въ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской Словесности“ 1865 г. Ор. Миллеръ коснулся *Слова*, но преимущественно остановился на его внутреннемъ содержаніи, указавъ въ *Словѣ* лирическое и идеальное начала, отношеніе его къ Краледворской рукописи и къ летописи, наконецъ коснулся личности пѣвца Игорева и значенія дружины. Изъ своихъ предшественниковъ Ор. Миллеръ наиболѣе сходится съ Шевыревымъ и Афанасьевымъ (разсматривавшимъ только мифологическія черты *Слова* о П. И., съ точки зрѣнія извѣстной мифологіи природы преимущественно небесныхъ явленій, въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу“ и ранѣе въ отдѣльныхъ статьяхъ); но съ Буслаевымъ Ор. М. расходится во взглядахъ на Бояна, Всеслава и Трояна. Воззрѣнія Ор. М. на происхожденіе *Слова* сводятся къ не вполне опредѣленному мнѣнію, что *Слово* составляетъ переходъ отъ чисто народнаго творчества къ лично-художественному, что пѣвецъ *Слова* написалъ его и былъ южаниномъ. М. не останавливается даже и на мифологіи *Слова* (что бы мы должны были ожидать отъ него) такъ какъ онъ предполагаетъ, что все мифологическое пѣвецъ взялъ у Бояна.

Въ 1866 г. вышло 2-е изданіе „*Слова* объ ополченіи Игоря Святославича“ А. О. Вельтмана съ прежнимъ предположеніемъ о Янѣ Вышатичѣ, скрывающемся въ Боянѣ (=бо Янѣ) и со многими другими предположеніями, которыя слѣдуетъ привести, какъ образчики свободныхъ догадокъ: вм. земля Трояна=земля Краяня, Краянская (ср. съ Крайной Илирійской), даже Краины=Украины (стр. 38); Тмотораганскій бльванъ=каменная баба; вм. дремлетъ Ольгово гнѣздо=гремлетъ; вм. прыщени на вои=на враги, врѣи; вм. повелѣя=по валѣ я (по битвѣ взялъ); вм. чага=ичага (знатный Половецкій мужъ); кощей=каженикъ; шерешеры=шереміцы, шереміця (партизанство); Деремела=Деревляне; *Двина* болотомъ течетъ *онимъ* грознымъ *Полочаномъ*=Десна... Онамо... Полочаномъ; Всеславъ врьже жребій о дѣвицю=на дѣиву; и дотчеса *стружіемъ*=доѣхалъ до него (до Кіева) на стругѣ, т. е. на ладѣ; возни стрікусы=возные стрікусы, возныя стрѣльницы; съ Дудутокъ=съ Дудорокъ; Хрѣсови=въ Херсонесъ; нъ рози пося имъ хоботы пануть=отдавая лучшихъ му-

жей приходилось пахать оставшимися въ селахъ *хвостами*—слабыми женщинами и старцами (?!); вм. копіа поють=коній поять на Дунаи; вм. вьются голоси=лются голоси! Такія свободныя догадки вполне напоминаютъ комментарий Шишкова на Слово о П. И. въ 1805 г., въ 1819 г. Такой же свободой отличается и переводъ Вельтмана, приложенный къ исправленному тексту Слова.

Въ 1868 г. Е. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ известномъ своемъ трудѣ „О составѣ русскихъ лѣтописей“ (въ Лѣтописи занятій Археогр. Ком. и отдѣльно), разсматривая отдѣльныя сказанія южно-русскаго свода, коснулся и описанія похода Игоря на половцевъ, при чемъ замѣтилъ, что „сличеніе лѣтописи и Слова могло бы представить любопытныя данныя; ясно оказалась бы разница въ изложеніи одного и того же предмета книжникомъ и поэтомъ; однако, ни сказаніе лѣтописи не служило источникомъ Слова, ни на оборотъ. Лѣтописный рассказъ такъ близкій по предмету съ Словомъ о П. И., наиболѣе далекъ отъ него по изложенію“. Затѣмъ Б.—Р. останавливается подробно на лѣтописномъ рассказѣ и указываетъ двѣ главныхъ редакціи этого рассказа, одна—въ Лаврентьевскомъ спискѣ и другая въ Инатьевскомъ. Интересно здѣсь же упомянуть о мнѣніи по этому вопросу И. П. Хрущова въ его изслѣдованіи „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“, 1878 г. Х. указываетъ черты сходства и отличія Слова и лѣтописныхъ сказаній о походѣ 1185 г.: „Все то, что мы знаемъ изъ двухъ сказаній, сѣвернаго и южнаго, о походѣ и плѣнѣ Игоря, встрѣчаемъ и въ Словѣ, но съ опущеніемъ нѣсколькихъ подробностей, которыя по свойству поэтическаго произведенія замѣнены общими красками... Пѣснопѣвецъ Игоря не принималъ участія въ самомъ походѣ и не находился съ Игоремъ въ плѣну, ибо въ Словѣ нѣтъ черты, переданныхъ очевидцемъ“ (210—212). Все это подтверждено доказательствами. Интересно и указаніе (стр. 211) на то, что Слово составилось послѣ 1188 г., съ которымъ вполне соглашается и И. Н. Ждановъ (Литература Слова, стр. 35).

Въ 1864 г. Пекарскій издалъ списокъ Слова о П. И., найденный имъ въ Государственномъ Архивѣ среди бумагъ изъ кабинета импер. Екатерины II, именно—среди тѣхъ бумагъ, которыя составляли подготовительные труды ея по разработкѣ отечественной исторіи. При текстѣ Слова, списанномъ съ того же погибшаго оригинала, съ котораго сдѣлано и первое изданіе 1800 г., приложены въ этой Екате-

рининской, или Архивной рукописи переводъ и примѣчанія. Послѣдніа сходны съ печатными по изд. 1800 г. Пекарскій допустилъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя ошибки, напр. „Зоянь“ вм. „Троянь“, чѣмъ ввелъ въ заблужденіе послѣдующихъ комментаторовъ Слова. Въ 1890 г., въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. (т. XIII) г. Симиони переиздалъ со всею точностью текстъ Слова по Архивной рукописи.

Изданіе Пекарскаго вызвало интересныя палеографическія соображенія и поправки Н. С. Тихонова — „Слово о П. И. для учащихся“ (1866 г. и 2-е исправл. изд. 1868 г.). Мы уже выше касались соображеній Т. о вѣѣ рукописи Слова. Теперь остановимся на поправкахъ его и на объясненіяхъ. Назначеніе изданія Слова для учащихся отразилось въ приложеніяхъ — разсказа о походѣ Игоря по Ипатскому списку и даже по Исторіи Карамзина, — въ объясненіяхъ грамматическихъ, въ объясненіяхъ словъ. Научный элементъ въ изданіи Т. выражается: въ поправкахъ текста на основаніи палеографической критики, въ интересныхъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Слова путемъ сравненія съ древними памятниками и наконецъ въ сравненіи поэтическихъ образовъ Слова съ народной поэзіей, преимущественно съ великорусской. Главныя поправки Т. слѣдующія: ре^ъ (=речь), пѣ^о (=пѣсь), свивая славію — (=славы), „Боянь“ вездѣ вм. „Троянь“ (при чемъ Т. основывался на невѣрномъ чтеніи Пекарскаго „Зоянь“ вм. „Троянь“; во 2-мъ изд. Т. возстановилъ „на землю Трояню“, но оставилъ „тропу Бояню“ и „вѣчи Бояни“; это чтеніе Т. было принято затѣмъ многими, но нашло и сильныя возраженія), не было въ обидѣ (=небылонъ обидѣ). Т. измѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пунктуацию; но вообще держался текста 1800 г. Изъ объясненій Т. заслуживаютъ вниманія: сравненіе выраженія Слова о вѣщихъ перстахъ Бояна съ выраженіемъ Слова о пророцѣхъ, что было замѣчено еще въ 1838 г. Снегиревымъ, но приведено Т. самостоятельно; далѣе, имена Карна и Жля, неизвѣстныя по лѣтописямъ, сравнены съ разсказомъ на Бѣломъ морѣ о трехъ братьяхъ Калгѣ, Жогжѣ и Кончакѣ; затѣмъ, нѣкоторыя параллели приведены изъ отреченныхъ и истолковательныхъ статей славяно-русской литературы: напр. эпитетъ гнѣзда Половецкаго „пардуже“ изъ глоссы „Куманинъ (т. е. Половчинъ) — пардосъ“. Но особенно замѣчательны сравненія Т. слова съ великорусской народной поэзіей. Со времени Максимова утвердилось мнѣніе, что Слово о П. И. сходно съ малорус-

скими думами и только послѣ изданія Тихонравова Смирновъ и Барсовъ увеличили число сравненій Слова съ великорусской народной поэзіей.

Изданіе Тихонравова вызвало нѣсколько критическихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны статьи Буслая и Макушева въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г. (февраль). Первый обратилъ вниманіе преимущественно на педагогическое значеніе изданія Тихонравова и нашелъ его не вполне удовлетворительнымъ съ этой стороны. Здѣсь уже Б. высказалъ мысль, которую осуществилъ въ изданіи Слова въ своей „Русской Христоматіи“ 1870 г., что текстъ Слова для учащихся слѣдуетъ издавать съ опущеніемъ всѣхъ затруднительныхъ мѣстъ Слова. Какъ Буслая, такъ и Макушевъ не согласились съ поправкой Тихонравова вм. Троянь — „Боянь“. Макушевъ кромѣ того предложилъ нѣсколько своихъ поправокъ темныхъ мѣстъ Слова, напр.: вм. бѣша дебрь Кисаню и несолю къ синему морю = бѣша дебрьски сани и несота іа къ синему морю (сани — змѣя въ родѣ чешской горной змѣи — сани, которую, по словамъ Любуши, убилъ Трутъ въ горахъ Крконошскихъ); свистъ звѣринъ въ стазби М. объясняетъ „мѣсто, обитаемое звѣрами“; спалъ князю умъ похоти = „снизшелъ князю умъ по желанію, т. е. подчинился его воли“. Изъ другихъ замѣчаній на изданіе Тихонравова заслуживаетъ вниманія объясненіе рецензента въ Московск. Универс. Изв. 1866—67 г.г. № 2 (О. Е. Коршъ?) слова „шерешеры“ изъ греч. *σάρισσα* (что уже было замѣчено Снегиревымъ въ 1838 г.) съ византийскимъ уменьшительнымъ окончаніемъ *αριον* или *αρι*. Въ средневѣковой латыни, по Дюканжу, прибавляетъ критикъ, есть слово *sageza*, *sagizonium* — копье.

Въ 1870 г. чешскій ученый Эрбенъ издалъ „Dvě zpěvy staroruských totíž: O vypravě Igorově a Zdonština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady. V Praze. — Karel Jaromír Erben“. Въ предисловіи Эрбенъ упоминаетъ, что сначала онъ приступилъ къ тексту Слова, какъ къ старославянскому, и стремился ввести однообразіе въ правописаніи памятника; но затѣмъ отступился отъ этой мысли, хотя и ввелъ нѣкоторыя поправки (стр. VII: о Словѣ „о prostonárodní píseň ruskou věků minulých“). Въ своихъ поправкахъ Э. руководствовался: исправленіями Тихонравова (вездѣ Боянь вм. Трояня, въ обидѣ вм. въ обидѣ), сравненіями текста Слова съ Задонщиной и Повѣданіемъ о Мамаевомъ побоищѣ (хотя эти срав-

ненія не проведены послѣдовательно) и нѣкоторыми собственными домыслами (лучшежь *ны* потяту, *кая рать* дорога, *кара* и жля, уже *жлю* убудиста, насыпа *та*, время *Бъсово*, въ *дружь* тѣлѣ, о стонати Русской земли, *помянувшей*, рано *кличеть*, *лельючу* корабли, рекъ Боянъ и *ходи*). Приведемъ теперь образцы перевода и истолкованій нѣкоторыхъ мѣстъ у Э.: „помняшетъ речъ“=сирѣчь (25 стр.); дивъ—какая то птица (*sejc, kulich, 28*); „кая раны (исправлено въ „рать“); „дорога“—дорогой бой (28); „дебрь кисаню“, „сань—сказочный змѣй, который выходитъ изъ моря, кисань=ksik, ksikati (32); чага—дѣвушка раба, кощей—плѣнный отрокъ (еще „кощей“ то же, что чешск. *kluk 33*); шерешеры—*balistae* (ср. изъ Дю-Канжа: гальскія слова—*chargeagiare* вести, *charge* бремя); клюками—*zahnutuma pohama*, какъ постунають всадники (34); стрикусъ=стрѣбусъ, стрѣкати,—таранъ (34). Изъ другихъ истолкованій Э. слѣдуетъ отмѣтить объясненія, „карны“ и „жли“, какъ нарицательныхъ названій олицетворенія отвлеченныхъ понятій; Деремелы—отождествленіемъ съ Древлянами; на седьмомъ вѣкѣ Бояни (вм. Трояни)—указаніемъ на 1020 годъ, какъ годъ рожденія Бояна (23 стр.), пѣвца Слова—внукомъ Бояновымъ (27). Нельзя не высказать сожалѣнія о томъ, что Эрбенъ не коснулся историко-литературнаго значенія Слова о П. И., напр. вопроса о происхожденіи Слова, или отношенія его къ Зеленогорской и Краледворской рукописямъ (о чемъ мелькомъ см. у Эрбена на стр. VIII).

Книга Эрбена вызвала интересную критическую статью Н. А. Лавровскаго: „О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о П. И.“ (Ж. М. Н. Пр. 1870, октябрь). Л. основательно разбираетъ недостатки и достоинства изданія Эрбена. Такъ онъ подробно останавливается на разборѣ неосновательнаго мнѣнія Тихонравова о замѣнѣ Трояна—Бояномъ, принятого Эрбеномъ. Самъ Л. болѣе склоняется къ объясненію Трояна—личностью в. кн. Владиміра Св. I: „прежніе толкователи имѣли полное основаніе прилагать семь седмиць къ 1015 г. (т. е. году смерти Владиміра), чтобы получить 1064 г., въ которомъ началась рать Всеслава, когда послѣдній бросилъ жребій о дѣвицю себѣ любу“ (286 стр.). Критикъ Эрбена высказываетъ опредѣленный взглядъ на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ, которое онъ считаетъ „самостоятельнымъ произведеніемъ поэта, обнаруживающимъ ясныя признаки школы, авторскаго труда по твердо и вполне сознательно усвоеннымъ пріемамъ, манерѣ и формамъ“ (276). Слово отличается

„Глубоко прочувствованною грустью поэта, элегическимъ характеромъ (тономъ), сообщающимъ ему и единство, и высокое поэтическое достоинство“ (292). „Вопросъ о томъ, было ли у насъ въ древнее время много поэмъ, въ родѣ Слова о П. И., нуждается для своей постановки въ историко-литературныхъ фактахъ, и ему въ будущемъ едва ли не предстоитъ отрицательное рѣшеніе“ (278). „Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что устная народная поэзія, переживая восемь вѣковъ, претерпѣвала, какъ все живое и органическое, много измѣненій со стороны содержанія, формы и выраженія, и что во времена Бояна и пѣвца Игорева она отличалась тою свѣжестью и яркостію поэтическихъ оборотовъ и образовъ, какіе сохранились до насъ въ Словѣ о П. И... Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи поэтическое творчество отдѣльных пѣвцовъ, оставаясь близкимъ къ устной народной поэзіи и пользуясь ея готовыми оборотами и образами, продолжало сближаться съ дѣйствительною жизнью, съ былинами своего времени, и къ концу XII в. дошло до той степени, на которой мы видимъ Слово о П. И. Оттого послѣднее, при всемъ богатствѣ народно-поэтическаго матеріала, при всемъ обилии заимствованій изъ устной народной поэзіи готовыхъ, выработанныхъ вѣками формъ, есть историческая поэма въ точномъ смыслѣ этого слова, и это составляетъ ея важнѣйшее историко-литературное значеніе“ (280—281 стр.).

Здѣсь мы должны остановиться на замѣчательномъ стихотворномъ переводѣ Слова А. Н. Майкова („Слово о П. И. съ предварительными замѣчаніями объ этомъ памятникѣ и примѣчаніями“ первоначально помѣщено въ журналѣ — „Заря“ 1870 г., январь и затѣмъ вошло въ Собраніе сочиненій поэта). Но прежде всего скажемъ и о предшествующихъ стихотворныхъ переводахъ съ 30-хъ годовъ. Таковы, переводы Деларю (1839 г.), Минаева (1846 г.), Мей (1850 г.) и Гербеля (1850 г.). Переводчики встрѣчались съ значительными затрудненіями при передачѣ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ Слова, при выборѣ размѣра и при прибавкѣ словъ, необходимыхъ для уясненія современному читателю древнихъ сжатыхъ картинъ и образовъ Слова. Отсюда объясняется рѣзкое различіе между этими поэтическими переводами. Деларю перелагалъ Слово гекзаметрами, Мей „народнымъ сказочнымъ размѣромъ“, Гербель старался приблизиться къ разнообразію рѣчи и размѣра подлинника. Наиболѣе отступленій отъ подлинника у Минаева, который развивалъ „сжатые мысли Слова“ въ цѣли

картины. Какъ иногда неясно понимали переводчики Слово о П. И., видно изъ слѣдующихъ замѣчаній ихъ и переводовъ: Мей объясняетъ: „пороси“ значить „по росѣ“, „кощей“—отрокъ княжеской дружины, „той клюками подпрѣся окони“—ему подали ходули, клюки, и онъ выпрыгнулъ изъ окна (Дубенскій), „до курь Тмутороканя“—до самыхъ куреней Тмутараканскихъ (Снегиревъ). Гербель принимаетъ: „толковинъ“ за раковины (изд. 1800 г.), „зегзицу“ за голубку, „дѣва“ за сову, и т. д. Слѣдуетъ замѣтить еще, что переводчики смѣшивали Слово съ лѣтописными повѣствованіями о походѣ. Однако, съ художественной стороны переводы Минаева и особенно Гербели пользовались въ свое время славой.

Новый перевод Майкова далеко оставилъ за собой предшествующіе стихотворные переводы не только съ художественной стороны, но и со стороны пониманія Слова. М. изучилъ комментаторовъ Слова, старался и самъ проникнуть въ его внутренній смыслъ. Эти домыслы поэта такъ оригинальны и интересны, что мы постараемся передать хотя нѣкоторые. Слѣдуя за Аванасьевымъ и за мифологами, М. понималъ пѣснь о П. И., какъ пѣснь о Дажьбожьихъ внукахъ, о борьбѣ свѣта съ тьмой. Свѣтлая русская земля, солнцевы внуки борются съ землей Трояна, гдѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти—Половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки. Дѣва—обида, являющаяся надъ падшей ратью и олицетворяющая чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры—это дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его. Здѣсь уже переходъ къ психологическому объясненію Слова. По мнѣнію Майкова, поэтъ вложилъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Вотъ какъ съ этой точки зрѣнія М. объясняетъ знаменитый плачъ Ярославны: „Обстановка этого плача будетъ: степь, утро, закуковала кукушка, напомнившая особенно живо Игорю его Ярославну, какъ видѣлъ онъ ее въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ.. Тамъ она стоитъ и обращаетъ вопли свои въ пустынную степь—къ вѣтру, къ рѣкѣ, къ солнцу, горя и тоскуя, любящимъ сердцемъ, чья постоянно бѣду надъ милымъ.. Какъ хорошо выходитъ тутъ Игорь-то!“ О происхожденіи Слова, объ его авторѣ—пѣвцѣ М. высказываетъ слѣдующее. Слово книжнаго происхожденія: оно писано мѣрною прозой, приспособляющейся, вѣроятно, къ пѣнію; въ немъ видны искусственные приемы во введеніи, въ отступленіяхъ, въ содѣланіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, въ болѣе осмысленномъ

олицетвореніи мифическихъ существъ. Здѣсь видно знакомство съ какими-нибудь классическими твореніями. Пѣвецъ Слова былъ „свидѣтелемъ и участникомъ похода,—да и плѣна, и тамъ, въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма“. „Пѣснь возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви“. Что касается текста Слова, дошедшаго до насъ, то М. предполагаетъ въ немъ пропуски (напр., согласно съ Соловьевымъ, пропускъ поэтической характеристики войны Мономаха) и перестановки переписчика. Въ переводѣ Майкова есть пѣкоторые дополненія противъ подлинника (изъ лѣтописи) и не выдержано разнообразіе въ складѣ и въ рѣчи Слова. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ поэтической переводъ Майкова остается лучшимъ.

Между тѣмъ научное изданіе Тихонравова вскорѣ же оказало вліяніе на популярно-учебныя изданія Слова о Полку Игоревѣ. Такъ это вліяніе отразилось на изданіи Я. Малашева: „Слово о Полку Игоревѣ. Поэтической памятникъ русской письменности XII в., съ примѣчаніями, полнымъ словаремъ и тремя приложеніями“ (1871 г.). Текстъ Слова изданъ у Малашева съ раздѣленіями на короткіе стихи, числомъ 780; затѣмъ все Слово еще раздѣлено на 12 частей. Въ исправленіи текста Слова Малашевъ принялъ самую крупную поправку Тихонравова (которая не имѣетъ за себя основаній), подставивъ вмѣсто Трояна—вездѣ Бояна. Кромѣ того, вм. „на канину“ Малашевъ исправилъ „на Каялину“, и проч. Изъ поправокъ въ разстановкѣ знаковъ препинанія отмѣтимъ: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Святъславлича, Буй-Туру Всеволодѣ“, и проч. Переводъ Слова у Малашева—прозаическій, почти буквальный. Послѣ Дубенскаго у Малашева мы во второй разъ встрѣчаемъ полный словарь Слова, впрочемъ особенно ничѣмъ незамѣчательный.

Въ интересномъ предисловіи къ переводу Слова о П. И. Н. Бици на (Русскій Вѣстникъ, 1874 г.; февраль стр. 761—801) мы встрѣчаемся съ отрицаніемъ пользы мифологическихъ толкованій Слова (преимущественно у Буслаева и Деанасьева). „Всякое мало-мальски темное мѣсто, говоритъ Бицинь, весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни, они стараются объяснить мифами, и старинною мифологіею, т. е. объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ“ (763). Какъ бы въ поясненіе этихъ словъ, является одно изъ новыхъ толко-

ваній „Дива“ у Б., какъ степнаго стражника, какіе сидѣли на одинокихъ дубахъ въ степи, по описанію Маржерета; у Б. „дивъ“ переведенъ словомъ „вѣщунъ“. Не входя въ основанія всѣхъ истолкованій у Б., мы приведемъ ихъ: вм. мыслію по древу—соловьемъ; вм. спала—слава; вм. Тропу Трояню—Бояню (по Тихонравову); вм. свивая славу—спѣвая (по Вельтману): вм. встала обида... вступилъ дѣвою=печаль—досада и „дивъ вступилъ“ (дивъ=вѣщунъ); вм. карна и жля—жирно и жалость; вм. иходы на—годины, (Бутковъ въ 1821 г.), а „хоти“ приставлено къ „тяжко ти головы“; вм. клюками—колками; вм. похоти—похыте (по Вельтману). Б. предлагаетъ выкинуть по „мыслену“ древу—„мыслену“ вставлено, по его мнѣнію, переписчикомъ. Это связано съ общимъ взглядомъ Б. на Слово: въ списокѣ, дошедшемъ до Мусина-П., могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки переписчиковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими пѣнтами (?); наконецъ, просто были описки и, можетъ быть, цѣлыя пропуски... Мусинъ-П. осмыслилъ по своему крайнему разумѣнію (эти ошибки), кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей.—Слово о П. И. написано княжескимъ пѣвцомъ—дружинникомъ, быть можетъ, пришлецомъ изъ славянъ, ученымъ мастеромъ, получившимъ школьное образованіе; отсюда объясняютъ высокій слогъ Слова, мозаичность и книжность его языка, и разнообразіе размѣровъ, какими оно написано. Въ Боянѣ Б. видитъ лице идеальное, можетъ быть, Гомера. Приведемъ еще нѣкоторыя мѣста изъ русскаго перевода Слова, сдѣланнаго Б.: „между Угорскими вноходцы“=окруженъ венгерской конницей; „у Пльнѣска на болони бѣша дѣбрь Кисаню“=У Пльнѣска, на Подолѣ, гдѣ дѣбрь Кисанова (еще первые издатели Слова указывали здѣсь на Кіевское оболонье, стр. 24); „желѣзныи папорси подъ шеломи“=Есть у васъ желѣзные латники подъ латинскими шлемами; хоботы=лохмотья; „Рекъ Боянъ и ходы“ и проч.=Говорилъ Боянъ, и години Святославовой пѣснотворцы стараго времени (И Ярослава, и Олега князя); хоть“.

Переходимъ къ труду, болѣе самостоятельному, о которомъ, однако, нѣкоторые ученые отзываются слишкомъ преувеличенно. Это трудъ львовскаго профессора Огоновскаго: „Слово о Пялку Игоревѣ. Поетичный памятникъ Руської письменности XII віку. Текстъ с перекладомъ и с поясненями. У Львові, 1876 г.“. Въ небольшомъ введеніи

къ своему труду авторъ касается слѣдующихъ вопросовъ, связанныхъ съ Словомъ: нѣсколько Словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII вѣкѣ; разсказъ лѣтописцевъ о походѣ Игоря и содержаніе Слова; важность Слова со стороны исторической; поэтическая сторона Слова; нѣсколько замѣтокъ объ авторѣ Слова; характеристика Игоря; Слово совершенно оригинальное произведеніе; языкъ Слова, его украшенія и форма; исторія открытія Слова, изданія и переводы Слова. Затѣмъ слѣдуютъ текстъ Слова, переводъ его на малорусское нарѣчіе и обширныя примѣчанія. Нельзя не повторить справедливаго замѣчанія проф. Жданова: „стоитъ пожалѣть, что г. Огоновскій написалъ свою книгу не на общерусскомъ литературномъ языкѣ, а на мѣстномъ галицкомъ нарѣчій: полезный трудъ сдѣлался такимъ образомъ не легко доступнымъ для массы русскихъ читателей“ (Литература Слова, 1880 г., стр. 13). Отмѣтимъ прежде всего важнѣйшія исправленія текста у Огоновскаго: „лѣтаю орломъ (вм. оумомъ) подъ облакъ“ (стр. 4); „свистъ звѣринъ *всталъ* и (вм. въ стазби) Дивъ влечеть“ (тамъ-же); „оуже бо бѣды юго пасеть птичь (вм. птиць) *по лозию* (вм. подобію)“ (тамъ же); „Гза (вм. Гзакъ)“ (6); „въстоупивъ (вм. вступилъ) дѣвою“; лжу оубоудиста“ (вм. оубоуди)“ (10); „бѣсови врани, дебри... не сошли, буйство подаста (вм. подасть)“ (12); „плаваста (—ваша), въ злата стремени (—мень)“ (14); „и схопи (схоти) ю на кровать“ (16); „оутрѣ же позвони стрикоусы“ (оутрѣже возни) княземъ *ряды* (вм. грады) *рядаше*“ (18). Кромѣ того О. нѣкоторыя мѣста Слова отнесъ къ числу глоссъ позднѣйшихъ грамотѣевъ. Таковы, по его мнѣнію: 1) „съ тояже Каялы—ко св. Софьи къ Киевоу, 2) давеча (8 стр.); 3) и ходы на Святъславля—когана хоти; 4) побарая за хрестьяны—аминь“. Многія поправки О. и объясненія Слова извлечены имъ изъ предшествующихъ русскихъ трудовъ.—О происхожденіи Слова О. высказываетъ слѣдующее. Онъ, подобно Максимовичу, стоитъ за самобытное происхожденіе Слова, помимо всякихъ литературныхъ вліяній, за связь Слова съ русской народной поэзіей. Въ авторѣ Слова О. признаетъ участника похода, человека свѣтскаго, изъ дружины Игоревой; но безъ всякихъ политическихъ взглядовъ. Въ XII в., по мнѣнію О., еще не была выработана идея единства (XVI стр.). Къ числу рѣзкихъ противорѣчій О. относится и мнѣніе его о языкѣ Слова, который онъ считаетъ „русьско—украинськимъ“; однако не скрываетъ того, что Слово дошло до насъ въ великорусской редакціи (XIX стр.).

На т. н. мнѳологію Слова О. смотрить, какъ на украшеніе и въ авторѣ признаеть христіанина. Наконецъ слѣдуетъ добавить о мнѣніи О. о томъ, что Слово нѣкогда пѣлось. Мы считаемъ наиболѣе интересными въ изданіи Огоновскаго его „поясненія“. Здѣсь мы находимъ и взгляды О. на Трояна, въ которомъ онъ, безъ всякаго колебанія, признаеть римскаго императора, память о которомъ связана съ Трояновымъ валомъ въ Южной Россіи (на Украинѣ, стр. 38); на Дива, въ которомъ онъ видитъ божество тьмы, чернобога прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ. Прибавимъ еще, что О. не прочь сравнивать Слово о П. И. съ Краледворской рукописью и даже съ Илиадой и Одиссеей Гомера, несмотря на то, что въ предисловіи высказался противъ мнѣнія кн. Вяземскаго о сходствѣ Слова съ классической поэзіей. Но болѣе сравненій Слова у О. съ народной поэзіей, конечно, преимущественно съ малорусскою.

Къ 1877 г. относится трудъ князя П. П. Вяземскаго: „Слово о Полку Игоревѣ. Изслѣдованіе о вариантахъ“. Это опытъ возстановленія текста Слова, причѣмъ въ рукописяхъ его предполагаются: надстрочные знаки, титла, ю, Δ, ⊙, даже ѣ, ѣ, ѣ. Все это совершенно самостоятельно придумано авторомъ; въ чтеніяхъ же онъ слѣдуетъ объясненіямъ предшественниковъ и не всегда удачнымъ. Научные приемы автора тѣже, что и въ „Замѣчаніяхъ на Слово о П. И.“ 1875 г., т. е. обиліе самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ предположеній. Во всякомъ случаѣ, видно, что Слово о П. И. очень занимало почтеннаго автора, и его вклады въ это изученіе вызывали новыя изслѣдованія.

Въ 1877 г. явился трудъ А. И. Смирнова, посвященный во-1) литературѣ Слова со времени открытія его до 1876 г. и во-2) пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ (1879 г.). Задачей перваго труда авторъ ставить изложеніе мнѣній и замѣчаній даже второстепенныхъ представителей литературы Слова. Авторъ справедливо указываетъ на частыя повторенія въ литературѣ Слова мнѣній и догадокъ предшественниковъ—происходящихъ иногда по тому только, что остаются неизвѣстными прежніе многочисленные труды о Словѣ, представляющіе часто библиографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, какъ замѣтилъ уже И. Н. Ждановъ (Литература Слова о П. И., 1880 г.), въ трудѣ С. не разграничены существенныя стороны въ изученіи Слова отъ неважныхъ, первостепенныя изслѣдованія отъ второстепенныхъ и

даже третестепенныхъ замѣтокъ, не указана послѣдовательная смѣна направлений и пріемовъ въ изученіи Слова. Кромѣ того почти отсутствуетъ критика мнѣній и есть нѣкоторые недочеты въ библиографическомъ обзорѣ трудовъ, посвященныхъ изученію Слова. Во второй части своего труда С. подвергъ критическому разбору изслѣдованія о Словѣ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ: 1) о вѣкѣ рукописи и характерѣ письма (мы касались этого вопроса выше и уже отмѣтили отношеніе С. къ взгляду Тихонравова, критикѣ котораго главнымъ образомъ посвящена эта часть труда С.), 2) о языкѣ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина, 3) объ исправленіяхъ первоначатнаго текста, 4) о судьбахъ Слова въ послѣдующей русской литературѣ (здѣсь разсматривается отношеніе Слова къ Задонщинѣ, къ Псковскому лѣтописцу и къ Исторіи объ Азовскомъ сидѣніи), 5) наконецъ разсматривается отношеніе Слова къ Сѣвернорусской народной поэзіи и языку.

Въ 1890 г., въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (№ 2) проф. Смирновъ издалъ „Третій списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII в.“, который представляетъ интересъ для изученія литературной исторіи Слова о Полку Игоревѣ.

Названный трудъ С., посвященный литературѣ Слова и пересмотру нѣкоторыхъ вопросовъ, несмотря на его недостатки, имѣлъ значеніе въ исторіи изученія Слова. Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этой работы явился болѣе полный и обстоятельный трудъ Е. В. Барсова о Словѣ, въ которомъ подвергнуты пересмотру всѣ вопросы, затронутые г. Смирновымъ. Мы увидимъ ниже, что оба названные автора сходятся въ предпочтеніи, напр., сравненій Слова съ сѣвернорусской народной поэзіей (съ былинами), въ противоположность другимъ изслѣдователямъ, исключительно сравнивавшимъ Слово съ малорусскими думами.

Къ 1877 году относится работа о Словѣ, отличающаяся особенной оригинальностью взгляда. Значенію этой работы въ исторіи изученія Слова до нѣкоторой степени отвѣчаетъ извѣстная работа Стасова по вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Сходство проявляется какъ въ общности метода, такъ и въ особенномъ вниманіи къ новой работѣ со стороны критики, въ спорахъ о предметѣ. Мы говоримъ о „Взглядѣ на Слово о Полку Игоревѣ“ Всев. Ѳ. Миллера (М. 1877 г.). Прежде всего авторъ относится совершенно отрицательно

къ наиболѣе распространеннымъ въ то время мнѣніямъ объ авторѣ Слова, о Боянѣ и о языческихъ существахъ, упоминаемыхъ въ Словѣ,—вообще—къ вопросу о происхожденіи Слова, какъ этотъ вопросъ разрѣшался Буслаевымъ, Срезневскимъ и друг.; какъ онъ повторился и въ лучшихъ въ то время учебныхъ пособіяхъ по словесности, напр., у Стоюнина. Вс. Миллеръ совершенно отрицаетъ убѣжденіе, что Слово—пѣсня неграмотнаго народнаго или дружиннаго княжескаго пѣвца, воображеніе котораго, а отчасти и вѣрованія были исполнены еще языческаго наивнаго міровоззрѣнія. Слово о Полку Иг., по мнѣнію Вс. Миллера,—произведеніе строго книжное, вполне литературное, авторъ его—писатель просвѣщенный, христіанинъ, называющій языческія божества только для красоты поэтической рѣчи, какъ украшающіе эпитеты; онъ сознательный поборникъ опредѣленной политической идеи; онъ замѣчательно начитанъ въ византійской и южнославянской литературахъ, особенно въ области повѣстей и поэмъ. Въ доказательство этого послѣдняго взгляда Вс. Миллеръ подробно разбираетъ византійскій героическій романъ X в. о Дигенисѣ Акритѣ, извѣстный сравнительно въ позднихъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, и проводитъ аналогіи между Словомъ о Полку Игоревѣ и византійской поэмой. И снова, какъ у Стасова, оказывается, что авторъ Слова заимствовалъ множество подробностей изъ чужеземныхъ источниковъ: не только украшающіе эпитеты, но и Бояна, Трояна, Дажь-Бога, Велеса, Хорса, Дива, Дѣву—Обиду, Дунай, и проч. Все это изъ Византіи или, точнѣе, изъ Болгаріи, почему Вс. Миллеръ и ставитъ на своей работѣ эпиграфъ: „Дѣвица поютъ на Дунаи (болгарскія поэмы),—вѣютъ голоса чрезъ море до Кіева“ (и эти болгарскія поэмы доходятъ до Кіева, гдѣ русскій книжникъ, подражая имъ, черпая изъ нихъ многія подробности, въ тѣхъ же выраженіяхъ пишетъ о русскихъ событіяхъ XI—XII в.в.). Вс. Миллеръ не отрицаетъ только историческаго значенія Слова; но, конечно, ограничиваетъ и его, исключая характеристическія черты міровоззрѣнія русскихъ людей XII в. Мы, однако, не будемъ здѣсь входить въ критическій разборъ изслѣдованія Вс. Миллера,—иначе это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что и самъ авторъ не считаетъ своего „взгляда“ порѣшеннымъ и ожидаетъ новыхъ изслѣдованій и открытій, напр. такихъ греческихъ и болгарскихъ поэмъ, которыя бы наиболѣе приближались къ Слову. Гораздо важнѣе значеніе труда Вс. Миллера, какъ

замѣчательнаго критическаго авализа, приложеннаго къ Слову и къ предшествующимъ автору изслѣдованіямъ о Словѣ. Чтобы познакомить, однако съ пріемами автора, мы приведемъ двѣ—три выдержки изъ его изслѣдованія: „Внукъ Дажь-Бога могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ-нибудь византійскомъ произведеніи какому-нибудь мифическому или историческому лицу. Дажь-Богъ былъ подставленъ на мѣсто Геліуса или Феба“ (76 стр.); „странно, что авторъ, перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ—Дажь-бога, Велеса, Хорса, Стрибога—нигдѣ не обронилъ ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, о громовникѣ Перунѣ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою мифологію“ (87 стр.). „Загадочность всего разсказа о Всеславѣ... зависить отъ того, что авторъ Слова подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпическаго богатыря и перенесъ на полоцкаго князя черты, въ которыхъ изображенъ былъ этотъ неизвѣстный намъ богатырь въ болгарскомъ произведеніи. На счетъ этой мифической личности нужно отчислить седьмой вѣкъ Трояновъ, метаніе жребія о дѣвицѣ и скаканіе къ городу“ (232 стр.). Начиная съ VI главы Вс. Миллеръ останавливается исключительно на текстѣ Слова и въ комментаріяхъ къ нему дѣлаеть нѣсколько поправокъ: 1) перестановку: „начати о полку Игоревѣ старыми словесы“; 2) вспала князю у умъ похоть; 3) свистъ звѣринъ вѣста *злѣ* дивъ; 4) заря свѣтъ запяла; 5) не было оно къ обидѣ; 6) кая (проклиная?) раны дорога(-го) брата; 7) одѣвахъ темя (?) (стр. 217); 8) бусови (сѣродымчатые) врани, 9) самою (вм. самаю); 10) вонзи (=возни) стрикусы (шпоры или стрекала); 11) въ дръзѣ тѣлѣ; 12) рѣва Стugna... стругы (волны, протоки по Максимоичу) простре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори *въ днь* при темнѣ березѣ (Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу). Замѣтимъ еще, что Вс. Миллеръ предполагаетъ въ текстѣ Слова вставки, пропуски и скептически относится къ возможной разгадкѣ темныхъ мѣстъ Слова при существующихъ средствахъ.

Изъ статей, вызванныхъ „Взглядомъ“ Вс. Миллера, отмѣтимъ прежде всего статью академика Веселовскаго „Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., августъ). Критикъ съ удовольствіемъ привѣтствуетъ гипотезу Вс. Миллера, раздѣляетъ отчасти ея общее положеніе и нѣкоторыя частности (напр.

о книжномъ происхожденіи Слова, о его пѣвцѣ, о Боянѣ; но не соглашается съ мнѣніемъ о болгарскомъ происхожденіи Трояна и божествъ, съ сближеніями поэмы о Дигенисѣ и Слова о Полку Игоревѣ, съ мнѣніемъ о спайкахъ въ Словѣ. вмѣсто того Веселовскій предлагаетъ свои интересныя соображенія о Троянѣ, о Дивѣ и Дѣвѣ-Обидѣ и друг. Не соглашаясь съ такими толкованіями Трояна, какъ—солнечнаго бога, поражавшаго демоновъ тьмы (Огоновскій), какъ—существа темнаго, выработаннаго суевѣріемъ славянской Дакии изъ историческаго императора (Вс. Миллерт), В. вмѣсто этой миѣической основы указываетъ на болѣе вѣроятную „псевдоисторическую“: „вѣки Трояни“ были бы вѣками Трояна—Троянскихъ дѣяній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на византійско-славянскомъ югѣ, и на западѣ; пѣснотворецъ Троянъ, если предположить такое сочетаніе, былъ бы поэтомъ троянской славы, троянскихъ дѣятелей. Источникомъ разсказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у т. н. Диктиса и Дарета“ (296 стр.)... „Византійцы могли разрабатывать то же литературно-историческое преданіе, усматривая въ народахъ варварахъ, съ которыми имъ приходилось вести борьбу, отъ которыхъ имъ грозила опасность, потомковъ варваровъ Троянъ“ (297). Съ этими византійскими преданіями о Троянахъ стоятъ въ связи средневѣковыя сказанія (у Фредегара и др.) о троянскомъ происхожденіи франковъ, о Троянахъ—Тюркахъ, или Туркахъ на берегахъ Дуная и у устьевъ Дона. „Авторъ Слова, знавшій объ Азовскихъ Готахъ, зналъ и объ Азовскихъ Тюркахъ; надо предположить, что ему извѣстна была какая-нибудь историческая *сказка* (средневѣковое троянское сказаніе) въ родѣ той, которую приурочили къ своимъ франкамъ Фредегаръ и *Gesta Francorum*; тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ Торхота на Дону явилась у него землею Троянской“ (302). Принимая взглядъ Вс. Миллера на Бояна (изъ болгарскаго памятника), В. объясняетъ, что „Тропа Трояна“ подсказана Бояну авторомъ Слова, который соединилъ въ этомъ мѣстѣ Слова память о Троянѣ на Дону съ разсказомъ объ Игорѣ.—Гораздо проще и основательнѣе В. объясняетъ Дѣву—Обиду и Дива, какъ „неполныя попытки миѣическаго овеществленія идей: злой судьбины, прирожденнаго горя—злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщей птицей ворономъ, то въ видѣ Судинушки олонецкаго причитанья“, о чемъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Изслѣдованіе Вс. Миллера явилось въ русской литературѣ о Словѣ такой новинкой, что долго и поздиѣ изслѣдователи Слова останавливались на его „Взглядѣ“ и старались опровергнуть его (наприм. Барсовъ).

Мы не будемъ приводить всѣхъ этихъ возраженій Вс. Миллеру и послѣ разсмотрѣнной замѣчательной статьи акад. Веселовскаго упомянемъ еще только о статьѣ Ор. Θ. Миллера: „Еще о взглядѣ В. Θ. Миллера на Слово о Полку Игоревѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., сентябрь). Ор. Миллеръ, не отрицая книжнаго происхожденія Слова, не согласенъ однако съ болгарско-византійскимъ, нерусскимъ происхожденіемъ многого въ Словѣ о П. И., какъ думаетъ Вс. Миллеръ. Разбирая отдѣльныя мѣста новаго „Взгляда“, Ор. Миллеръ напоминаетъ о значеніи родной народной поэзіи, которой объясняется всего лучше значительная часть и бояновыхъ замысловъ, и другихъ мѣстъ въ Словѣ. Критикъ указываетъ въ книгѣ Вс. Миллера такія объясненія, съ которыми онъ соглашается, или только отказывается отъ прежнихъ. Такъ Ор. Миллеръ признаетъ, что Боянь, какъ и Дунай, могутъ быть именами нарицательными, а не собственными; въ лицѣ Бояна представляется не историческое лице, а апофеоза пѣвца вообще. Мало того, Ор. Миллеръ отказывается отъ Слова о П. И., какъ источника изученія русской мифологіи (стр. 47): „книжные источники мифологіи—вообще источники самыя мутныя, такъ какъ книжники стараго времени постоянно только путали и мудрили, когда касались вѣрованій и преданій народныхъ“. Въ „Опытѣ историч. обзорѣнія Русской Словесности“ (1865 г., Слово о П. И., VIII гл.) Ор. Миллеръ внимательно останавливался на мифологіи Слова и отыскивалъ мифологическую старину и въ Троянѣ, и въ Боянѣ, не говоря уже о Дажьбогѣ, и проч. Такъ теорія заимствованія поколебала теорію мифологіи въ приложеніи и къ былинамъ и къ Слову о П. И.; однако, широкія обобщенія, основанныя на новой теоріи, сразу встрѣтили серьезныя возраженія.

Вс. Миллеръ на возраженія критики о Троянѣ и Боянѣ старался привести новыя доказательства ихъ болгарскаго происхожденія въ двухъ статьяхъ: 1) „Замѣтки по поводу сборника Верковича: Къ вопросу о національности Бояна въ Словѣ о П. И.“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1877, октябрь) и „По поводу Трояна и Бояна Слова о П. И.“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, дек., ч. СС.). Во второй статьѣ Вс. М.

такъ отзывается о первой: „заятіе сборникомъ Верковича натолкнуло меня на новую пѣснь о кралѣ Троянѣ, въ которой упоминается воевода Боянъ, воспѣвшій подвиги Трояновы. Эта новая пѣснь, соединяющая имена Краля Трояна и пѣвца воеводы Бояна, побудила меня отказаться отъ высказанной мною догадки, которая раньше меня была сдѣлана Венелинымъ, что въ Боянѣ Слова слѣдуетъ видѣть царевича—кудесника Бояна, сына царя Симеона; но та же пѣснь еще болѣе подерѣшила меня въ мысли, что Боянъ принадлежитъ той же національности, какъ и Троянъ, и что оба попали въ Слово изъ одного и того же болгарскаго источника“. Въ новой статьѣ Вс. Миллеръ приводитъ фригійскія и болгарскія сказанія о Троянѣ—Мидасѣ и объ Орфеѣ—свирѣльщикѣ божественнаго происхожденія. Послѣдній является въ болгарскихъ пѣсняхъ Верковича въ формѣ—Урфенъ, Орфепъ, Френъ, Хрълениъ, Форленъ, и т. д. Отсюда Вс. Миллеръ выводитъ, что пѣвецъ Боянъ есть замѣна древняго Орфея. Въ этой же статьѣ Вс. Миллеръ возражаетъ на гипотезу акад. Веселовскаго о землѣ Тюрковъ—Троянъ на Дону и по берегамъ азовско-черноморскимъ. Конечно, онъ снова отстаиваетъ свою гипотезу о мѣстномъ болгарскомъ Троянѣ, попавшемъ книжнымъ путемъ въ Слово. Вс. Миллеръ сходится съ Веселовскимъ въ томъ, что упоминаніе Трояна въ Словѣ не основывается на народныхъ русскихъ сказаніяхъ, а взято изъ книжнаго источника. Мы прибавимъ еще, что въ литературѣ было высказано недовѣріе къ нѣкоторымъ болгарскимъ пѣснямъ, собраннымъ г. Верковичемъ. Не принадлежитъ ли къ числу такихъ пѣсенъ и пѣсня объ Орфеѣ?

Отчасти такъ же, какъ возраженіе на „Взглядъ“ Вс. Миллера въ 1878 г. явился замѣчательный трудъ Потебни („Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія“; первоначально въ Филологич. Зап. 1877—78 г.г.), который снова поднялъ вопросъ о тѣснѣйшей связи Слова съ русской и славянскою народною поэзіей. Но мы прежде всего скажемъ объ опытѣ возстановленія правописанія XII в., которымъ отличается изданіе текста Слова у Потебни. Подобный же опытъ и въ 1877 г. принадлежитъ Буслаеву (Учебная хрестоматія). Мы считаемъ нелишнимъ остановиться на этихъ опытахъ и указать ихъ нѣкоторую произвольность. Такъ Буслаевъ и Потебня всѣ церковнославян. формы—„пѣлку, вѣлкомъ“, и проч. измѣнили на русскія—„пѣлку, вѣлкомъ“, и проч.; но русскіе памятники XII в. даютъ многочисленныя

указанія и на присутствіе въ русской письменности церковнославянскихъ формъ. Рядомъ съ этимъ измѣненіемъ Буслаевъ и Потебня удержали такія церковно-слав. формы, какъ — „прихождаху, жаждеу, вижду“, и т. п.; но въ русскихъ памятникахъ XII в. (напр. въ Житіи Θεодосія печ. по Сборн. Москов. Успен. Соб. XII): „прихожааху, отхожааше, жажаю“, слѣдов. ж=жд. И Буслаевъ и Потебня возстановили въ суффиксахъ и въ корняхъ, но глухіе звуки стали сильно исчезать въ русскомъ яз. уже съ XI ст.; слѣдовательно, оба ученыхъ издатели возстановили глухіе тамъ, гдѣ ихъ не было (напр.: „всья, пѣтиць, Всьволодъ“ и т. д.). Послѣ гортанныхъ оба издатели Слова нездѣ поставили *ы*—, „Кыевъ, великихъ“, и т. д.; но русскіе памятники имѣютъ *ы* и *и* часто. Таже неосновательность замѣчается и въ постановкѣ послѣ шипящихъ и *ц*—*я*, *ю* (впрочемъ, Буслаевъ удержалъ *а*). Замѣтимъ еще, что Буслаевъ и Потебня уничтожили мѣну *ч* и *и* (вм. лудежъ—лучежъ, вм. вѣчи—вѣци, и т. д.). Подобныя же исправленія сдѣланы и въ формахъ: щити, злати шеломи, сѣрымъ вѣлкомъ, сизымъ орломъ; у Буслаева, даже — „времене“. Однако Буслаевъ ближе держится оригинала, между тѣмъ какъ Потебня относится свободнѣе къ тексту Слова.

Но кромѣ поправокъ въ текстѣ Слова Потебня допустилъ въ своемъ изданіи перестановки, при чемъ высказалъ слѣдующій взглядъ на исчезнувшую рукопись Слова. „Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г., ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ, конца XIII или начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного и болѣе чѣмъ одного переписчика“. Укажемъ эти поправки, пропуски и перестановки, допущенныя Потебней. Вмѣсто „4 солнца“ Потебня неосновательно допускаетъ „2 солнца“. „Темно бо бѣ въ 7 (3) день“ читаетъ „въ ть день“. Перестановки: 1) „два мѣсяца Олегъ и Святославъ тьмою ся поволокоста (сюда далѣе у П. приставлено) и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаста (вм. подастъ) Хипови“ (выпущено „на рѣцѣ на Каялѣ“, и проч.); 2) „уже узнесеса (вм. „снесеса“) хула на хвалу, се бо Готскія красныя дѣвы, и проч. Уже тресну нужда на волю“; 3) „Уже бо Сула не течетъ—подъ кликомъ поганыхъ“.

Пропуски и глоссы (вставки): толковинъ=толкованіе, сирѣчь; татраны (вставка), смысленый (глосса къ „вѣщій“); уснала князю у умъ похоть (П. переводить: встало на умъ князю желаніе отвѣдать Донской воды). Наконецъ весь эпизодъ объ Олегѣ Гориславичѣ съ упоминаніемъ о великомъ Ярославѣ и Борисѣ Вячеславичѣ и Святополкѣ П. считаетъ вставкой, взятой изъ другого неизвѣстнаго сочиненія. Точно также вставками П. считаетъ фразы: поискати града Тмутороканя, которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкїя, и пр. По происхожденію Слово П. относитъ къ произведеніямъ личнымъ и письменнымъ; нѣкоторыя мѣста Слова особенно выдѣляются по своей квижвой формѣ, какъ: „не лѣпо ли ны башеть, иже истягну умъ крѣпостию и поостри сердца мужествомъ, тлъковины“, и проч. Мы уже говорили, что П. противъ гипотезы Вс. Миллера о готовомъ византійско-болгарскомъ шаблонѣ Слова; напротивъ, по глубокому убѣжденію Потебни, Слово проникнуто народно-поэтическими стихіями. Изслѣдованіе П. имѣетъ особенное значеніе по объясненію поэтическихъ образовъ и связи ихъ съ народной поэзіей. Съ этой же стороны Потебня коснулся Слова еще равнѣ въ своей статьѣ, подъ названіемъ: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., текстъ и примѣчанія“ (Филол. Зап. 1877 г., вып. 2, и отдѣльно).

Неоконченная работа Андріевскаго („Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу“, часть 1. главы I—III, Екатеринославъ, 1879;—глава IV, 1880 г. и „Пѣсни Игорю Святославичу—Слова о Полку Игоревѣ, по чтенію М. А. Андріевскаго“, часть I, 1880 г.) посвящена: библиографическому указателю литературы Слова, выдержкамъ изъ нѣкоторыхъ трудовъ по вопросу о „загадочности нашего памятника“, сводному тексту Слова; критическимъ замѣткамъ объ отдѣльныхъ частяхъ и выраженіяхъ въ Словѣ и наконецъ собственному чтенію Слова, предложенному авторомъ (издана только часть этого чтенія). Значительныя измѣненія текста Слова, допущенныя Андріевскимъ, объясняются его общимъ взглядомъ на происхожденіе и судьбу Слова. Признавая Слово произведеніемъ устнаго народнаго эпоса, авторъ предполагаетъ, что оно долго переходило изъ устъ въ уста, вслѣдствіе чего въ немъ явились „перетасовки, перепутанность, скомканность, пропуски, повторенія, добавки, искаженія, отсутствіе стройности, слабость логики, положительныя безсмыслицы“. Въ полуразрушенномъ, искаженномъ видѣ текстъ пѣсни былъ занесенъ на бу-

магу какимъ нибудь любителемъ повѣстей изъ устъ какого нибудь позднѣйшаго пѣвца“. Это было еще въ началѣ XIII в., затѣмъ слѣдовала рядъ списковъ вплоть до списка, попавшаго въ руки Мусина-Пушкина. Слово въ этомъ видѣ является передѣлкой чисто народнаго произведенія. Текстъ Пѣсни Игорева въ устахъ пѣвцовъ могъ существовать въ нѣсколькихъ варьянтахъ“ (ч. I, гл. I—III, стр. 76). Андриевскій указываетъ слѣдующіе пути и средства, посредствомъ которыхъ можно возстановить текстъ Слова: строго логическимъ анализомъ сохранившагося текста, сличеніемъ разныхъ образовъ и выраженій пѣсни съ аналогичными образами и выраженіями, встрѣчающимися въ произведеніяхъ народной устной поэзіи и въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ. Интересно, что по поводу бумагъ Малиновскаго, открытыхъ Е. В. Барсовымъ, г. Андриевскій высказываетъ сильное сомнѣніе (I ч., I—III гл., 70 стр. Нельзя не пожелать поэтому обнаруженія этихъ бумагъ Малиновскаго въ полномъ ихъ видѣ и даже со снимкомъ). Но относительно исправленій въ текстѣ Слова у г. Андриевскаго нельзя не согласиться съ Барсовымъ, что они произвольны и часто ни на чемъ не основаны, что въ исправленіяхъ этихъ г. Андриевскій „не зналъ уже никакой мѣры и удержу“ (Е. В. Барсовъ: Слово о Полку Игоревѣ, II, 110 стр.).

Въ 1879 г. относится замѣтка И. И. Малышевскаго „Къ вопросу объ авторѣ Слова о П. И.“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г., августъ), вызванная трудомъ Вс. Миллера. Раздвѣляя взглядъ Вс. Миллера на византийско-болгарское книжное происхожденіе Слова, М. обращаетъ особенное вниманіе на упоминанія въ Словѣ Тмуторокани и соединяетъ ихъ съ греко-русскими отношеніями на азовско-черноморскомъ побережьѣ. Авторъ Слова, по мнѣнію М., жила въ древней Тмуторокани, бывалъ и въ другихъ мѣстахъ. „Это былъ странствующій книжный пѣвецъ, подобный Орю и Тимошею (о которыхъ упоминаетъ лѣтонисъ), успокоившійся наконецъ въ Кіевѣ при князѣ Святославѣ (1177—1194 г.г.). Изъ своихъ посѣщеній греческаго черноморскаго побережья авторъ Слова „могъ вынести какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую склонность обставать его образами миѣической древности“.

Въ „Исторіи Россіи“ 1880 г. Д. И. Иловайскаго находимъ слѣдующія замѣчанія о Словѣ. Какъ Бояна, такъ и автора Слова, образованнаго дружинника, II. считаетъ поэтами Чернигово-сѣверскими.

Въ Словѣ И. видятъ такой же „аристократическій характеръ“, какъ и въ рыцарской поэзіи трубадуровъ и миннезенгеровъ, которой русская придворно-княжеская поэзія не уступала даже со стороны женскихъ идеаловъ (художественное, симпатичное изображеніе Ярославны). Припомнимъ еще, что въ 1874 г., въ Древностяхъ и Трудахъ Московск. Арх. Общ. (т. IV, вып. 2, стр. 63—64) Иловайскій предложилъ новое толкованіе „Тмутороканскаго бльвана“ (такъ въ оригиналѣ; но Д. И. Иловайскій прочелъ — „балванъ“) отъ польскаго *balwan* (на что указывалъ Сеньковскій) = чурбанъ и волна (надо прибавить — *morski*). Въ послѣднемъ значеніи — „морской волны, пролива, Тмутороканскаго Побережья“ онъ предполагаетъ и старославян. и русское „балванъ“; но форма Слова о П. И. „блъванъ“, а рядомъ съ нимъ стоятъ „Корсунъ и Суроужъ“; слѣдовательно, нѣтъ еще основанія сопоставлять Тмутороканскаго бльвана съ Поморіемъ и Посуліемъ.

Интересно остановиться и на оригинальномъ отзывѣ о Словѣ извѣстнаго церковнаго историка, Голубинскаго (Исторія Русской Церкви, I, первая половина тома, 1880 г., стр. 700—705). Авторъ разсматриваетъ Слово, какъ „сочиненіе неизвѣстнаго сочинителя“, „остатокъ нашего домонгольскаго трубадурства, другіе памятники котораго или погибли или еще пока скрываются въ рукописяхъ неоткрытыми“. Авторъ возстаетъ противъ „преувеличеннаго мнѣнія“ о Словѣ: онъ ставитъ лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря выше Слова и даже, въ противоположность, всѣмъ изслѣдователямъ Слова, считаетъ „прозаическимъ источникомъ поэмы повѣсть о походѣ Игоря, помѣщенную въ Ипатской лѣтописи“. „До верха совершенства Слову далеко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ проза (лѣтописи) выше поэзіи (Слова)“. Но въ то же время Г. стоитъ за совершенную самобытность, совершенную оригинальность и свѣжесть Слова. Въ критическихъ отзывахъ Г. о Словѣ проявляется отсутствіе серьезнаго изученія Слова, какъ предмета отчасти посторонняго для почтеннаго труда церковнаго историка: онъ и касается Слова „для полноты обзора и ради нѣкоторыхъ читателей“.

Въ 1880 же году И. Н. Ждановъ въ статьѣ „Литература Слова о П. И.“ (Кіевъ, 1880 г.) дополнилъ критико-библіографическія работы Смирнова и Барсова указаніемъ какъ мелкихъ трудовъ, такъ и такихъ крупныхъ, какъ Огоновскаго, Вс. Миллера, Потебни, и др. Кромѣ того, Ждановъ присоединилъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о П. И. Особенно интересны его объясненія:

1) мысленнаго древа въ иносказательномъ значеніи дерева воображаемаго и дерева родословнаго; 2) выраженія — „храбрая мысль носить вась умъ на дѣло“ въ сопоставленіи съ подобными же выраженіями въ старинныхъ памятникахъ. Еще ранѣе, въ другой своей статьѣ о „Русской поэзіи въ до-монгольскую эпоху“ (1879 г., Кіевск. Унив. Изв.) Ж. также коснулся нѣкоторыхъ мѣстъ Слова, напр. „карны и жли“, сравненіе съ „карити“ плачемъ (5 стр.); Бояна, какъ одного изъ слагателей старыхъ народныхъ былевыхъ пѣсенъ съ чертами необыкновеннаго и чудеснаго; въ этомъ поэтическомъ образѣ Бояна, которому авторъ Слова придалъ нѣкоторыя книжныя черты, слились черты цѣлаго ряда явленій, цѣлаго класса лицъ (11—16 стр.); значеніе „славы“ въ Словѣ и наконецъ происхожденія Слова. Относительно послѣдняго Ж. высказалъ слѣдующее: „оно (Слово) было не записано, а написано. Если авторъ Слова пользуется народно—эпическими или книжно-записными поэтическими образами, то это только его литературная манера, манера той среды, къ которой онъ принадлежалъ“ (20 стр.).

Давнишнія попытки выправить текстъ Слова посредствомъ перестановокъ нѣкоторыхъ мѣстъ и перемѣнъ нѣкоторыхъ выраженій (что такъ рѣзко проявилось въ книгѣ Андріевского) снова выступили въ небольшомъ трудѣ Д. Прозоровскаго: „Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о П. И.“ (1881 г.). „Изложеніе Слова, говоритъ авторъ (стр. 5), значительно перепутано, вѣроятно, переплетами и переписками; чтобы возстановить его въ первоначальный, или хотя въ близкій къ первоначальному, видъ, необходимо переставить нѣкоторыя его мѣста такъ, чтобы событія слѣдовали одно за другимъ правильно и по мысли писателя, а это указывается сопоставленіемъ Слова съ лѣтописями“. На основаніи такихъ соображеній П. ставитъ въ началѣ Слова, между „почнемъ же братіе повѣсть—на землю Половецкую, за землю Руськую“ и „Тогда Игорь възрѣ“ три эпизода: 1) „Были вѣчи Трояни—а сидевой рати не слышано“, 2) „На седьмомъ вѣцѣ Трояна—а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“ и 3) „Уже бо Сула не течеть—копія поють на Дунай“ (стр. 32—35). Изъ перемѣнъ выраженій у П. являются слѣдующія новыя: 1) „на капину“ „вм. на канину“ и съ переводомъ— „на смертную“; „капъ“, по мнѣнію автора, тѣло, трупъ (въ рукописи 1263 г. капищемъ названо тѣло Адама). Тоже чтеніе вм. „съ тоя же каля“ —

„съ той же ваины [Святополкъ полелѣя отца“ (32 и 50); 2) вм. „возни стрикусы“ читаетъ „возни стрикусы“ и переводить „взревѣвъ по свиному“ (33 стр. стрикусы=στροῖς филинъ, сова. Это странное толкованіе П. основываетъ на томъ, что „Всеславъ, взревѣвшій стрикусами, т. е. по свиному, будетъ очень похожъ на Всеслава, сидящаго на клячѣ и подпершагося костьюлами съ палкою въ рукахъ, вмѣсто оружія“?); 3) „бусови врани“=пьянше, неистовые; 3) „у Пльсньска на болони браша дебрь Кисаню и несоба ю къ синему морю“ въ переводѣ: вороны... брали дебрь Кисанову и несли ее къ синему морю (41 стр.; стр. 62 П. говоритъ, что въ его переводѣ это мѣсто является „въ совершенно ясномъ видѣ“. Но что такое „дебрь“? и какъ дебрь могли нести вороны?); 4) хивови=гуси отъ греч. χῆν. О происхожденіи Слова П. говоритъ слѣд.: „по сочиненію видно, что поэтъ былъ человѣкъ весьма образованный... высокой слоги, какимъ написана поэма, и приемы изложенія показываютъ, что его произведеніе предназначалось не для народа, а для высшаго общества, преимущественно для князей, въ отношеніи къ которымъ поэма имѣетъ то характеръ сатиры, то характеръ похвалы. Оттого-то, можетъ быть, списки поэмы были не многочисленны и могли скоро утратиться вслѣдствіе разныхъ случайностей въ судьбѣ княжескихъ и боярскихъ родовъ“ (13 стр.). Въ образѣ Трояна П. усматриваетъ „миѣческое повѣрье о заселеніи Славянами земель, ими занятыхъ, т. е. о сотвореніи Славянскаго міра“; „тропа Трояна—изъ преданій о путяхъ, которыми Славяне расселялись“; „земля Трояна—изъ миѣческаго повѣрья о выходѣ замужъ Руси за Дажь-Бога“ (17—19). Къ числу такихъ же необоснованныхъ предположеній относятся и объясненія: Хорса—млечнымъ путемъ (20), Сулы—Половцами, Двины—Литвой (21), Дунай—поэтическимъ представленіемъ южной Руси (22); и ходы (Рекъ Боянъ и ходы) греческимъ ἤχφδης—громкій, звучный, припѣвка; Ольгова Коганя *xota*—любимца, и т. п. Болѣе основаній въ объясненіи „стружія“ изъ хожденія Даніила въ значеніи палки въ 2½ аршина, или около того и жезла власти (25—26). Въ концѣ труда Прозоровскаго приложены примѣчанія историческія, состоящія изъ буквальныхъ выписокъ изъ лѣтописей.

Упомянемъ здѣсь о двухъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся „Исторіи Сѣверской земли“, Д. И. Багалѣя и П. И. Голубовскаго (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Влади-

міра, вып. 3 и 4, 1881—82 г.г.). Багал'ѣй касається топографіи похода 1185 г. и предпочитаетъ мнѣнія Буткова и отчасти Аристова другимъ¹⁾. Голубовскій высказываетъ общее мнѣніе о походѣ Игоря Святославича, „представляющемъ фактъ княжескаго удалства, но фактъ вполне бесполезный“. То же повторяетъ г. Голубовскій въ интересномъ трудѣ своемъ важномъ въ другихъ отношеніяхъ: „Печенѣги, Торки и Половцы“ (Кіевъ, 1884 г., стр. 163): „это не было предприятие, вызванное общими интересами Руси... Оно было результатомъ отваги молодыхъ Сѣверскихъ князей, ихъ стремленія поискати древняго Тмутараканя, продолжавшаго существовать и быть торговымъ пунктомъ на Азовскомъ морѣ“. Авторъ вполне раздѣляетъ мнѣніе г. Малышевскаго о пребываніи „создателя Слова“ въ Тмутаракани: „такихъ поджигателей на громкіе подвиги должно было быть много (?). Впереди видѣлась слава не только на Руси, но и въ Европѣ“.

Къ 1884 г. относится статья г. Гонсіоровскаго: „Замѣтки о Словѣ о П. И.; пересмотръ вопроса, на какомъ языкѣ написано Слово и нѣсколько замѣчаній и поправокъ къ тексту“ (Ж. М. Н. Пр. 1884, февр.). Г. по поводу языка Слова трезво критикуетъ своихъ предшественниковъ и высказываетъ убѣжденіе, что только послѣ рѣшенія вопроса о возникновеніи нарѣчій русскаго яз. возможенъ правильный отвѣтъ на вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово“ (258 стр.). Но собственное мнѣніе Г. о томъ, что „Слово написано на смѣси древневеликорусскаго съ языкомъ вятичско-польскимъ“ (262), конечно, не вѣрно. Изъ поправокъ Г. отмѣтимъ: „слава“ вм. спала (Бицнѣ); „княи раны“ (=какіе удары); „Гориславличи сѣяшася и растяша“ (=умножилось число людей несчастныхъ; Гореславличи—названіе для людей несчастныхъ); „и на коничину зелену“ (=на зеленой дятелинѣ); „паворози“ (=сѣтка, сдѣланная изъ проволоки, вм. папорзи). Большая часть этихъ толкованій Г. основанна на предположеніи о вліяніи польскаго языка на языкъ Слова о П. И. Если это и неосновательно, то, во всякомъ случаѣ, статья Г. интересна по критикѣ нѣкоторыхъ мнѣній предшественниковъ.

¹⁾ См. интересныя возраженія по поводу реферата Д. И. Багал'ѣя „Слово о П. И., какъ литературный памятникъ Сѣверской земли“ въ Читеніяхъ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. II, стр. 160—162.

Мы не будемъ останавливаться на неудачной попыткѣ Ом. Партыцкаго (Слово о Полку Игоревомъ, во Львовѣ, 1884 г.) выправить текстъ Слова согласно съ правилами метрики, подгоняя всѣ Слова и предложенія памятника подъ ямбы и трохеи. Для этого авторъ долженъ былъ ввести множество новыхъ буквъ въ текстъ въ родѣ *o*, *e* (напр. „Долого поч меркнете“ 14 стр.; „Реко Бояно, исходя“, 32, и проч.). Отмѣчу однако слѣдующія толкованія П.: онъ видитъ мифологическую „Обиду“ въ выраженіяхъ „уже бо бѣды (поправлено: „оуже обида“) его, Оби—Дивъ=Обида—Дивъ“ (изъ „свистъ звѣринъ въ стазби дивъ“...) и „Донъ зоветь князи на обиду“ (вм. побѣду). Увлечшись скандинавскою (готскою) мифологіей П. видитъ Норну въ выраженіи „верже Всеславъ жребій о дѣвицю“ и даже передѣлываетъ это мѣсто въ „Всеславо вереже жребій от Дѣвиць Бѣлъ“. Эта Бѣла тоже, что въ Еддѣ *Vil* и *Niuki*. Въ томъ же родѣ и остальные объясненія П. о Карнѣ и Жлѣ (въ текстѣ онъ замѣнилъ ихъ Кончакомъ и Гзакомъ 20 стр.), и т. д.

Болѣе серіозной работой представляется трудъ А. С. Петрушевича: „Слово о Полку Игоревѣ“ (Львовѣ, 1887 г.). Прежде всего интересны общія замѣчанія о Словѣ П.: „Слово было скоро по возвращеніи кн. Игоря изъ половецкаго плѣна написано пѣвцемъ его и дружинникомъ,.. ибо судя по замысловатому отрывистому составу Слова и по нѣсколькимъ десяткамъ именъ приведенныхъ въ немъ князей, трудно допустить, чтобы оно съ начала по памяти изъ устъ въ уста передавалось“ (15 стр.). „Пѣвецъ Игоря былъ воспитанъ подъ вліяніемъ народныхъ преданій и повѣрій, проживалъ въ средѣ бояръ и княжеской дружины, изучалъ прилежно русскія лѣтописи, былъ ознакомленъ съ богослужебными старословенскими книгами и языкомъ ихъ. Съ такимъ образованіемъ авторъ Слова одаренъ притомъ поэтическимъ смысломъ и патріотическимъ чувствомъ; онъ воплотилъ въ своемъ сочиненіи задушевную мысль *единства русской земли*, зародившуюся въ немъ подъ напоромъ инородцевъ, окружающихъ Русь“ (23). „По той причинѣ авторъ Слова замысловато ставитъ величественную личность *Трояна—Рюрика* (на стр. 19: личность Рюрика—Трояна, старшаго изъ трехъ братьевъ—трибратичей, пришедшихъ къ намъ, и получившаго для того имя Трояна, по древнѣйшему обычаю, до сихъ поръ сохранившемся у нашихъ Скольскихъ Карпато—Руссовъ—стала угасати предъ Христовымъ свѣтомъ. Русское духовенство, запретивъ

номинаціе Трояна выдвинуло на первое мѣсто имя правнука Трояна, равноапостольнаго князя Владиміра“, „по вѣкамъ Трояна—по поколѣннѣмъ Рюрикова дома“ 20 стр.), во главѣ русской исторіи, начинающая, подобно Римлянамъ отъ созданія Рима, числится отъ него вѣки Трояна до стараго Владиміра“ (23—24). „Сочинитель Слова, по всей вѣроятности, былъ выходцемъ изъ нашей Галичской Руси“, (31), такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ политикой Осмомысла, съ походами полковъ Ярослава на дальній востокъ—въ Палестину (въ землю Солтановъ), его поразили картины степи; „словомъ, говоритъ Петрушевичъ, пѣвецъ Игоря блестятъ западно-русскимъ образованіемъ, которое дружиннику южно-восточной стороны Руси было недоступнымъ“ (32). Такъ предположенія приводятъ изслѣдователей къ ихъ сердечнымъ склонностямъ! Но перейдемъ къ научной сторонѣ изданія почтеннаго автора. П. раздѣлилъ текстъ Слова для удобства на 745 краткихъ стиховъ, привелъ варианты по Екатерининской ркп. и допустилъ немногія исправленія въ текстѣ 1800 г. Таковы: „помянешть бо *речю*“, „жадость“, „звѣринъ *вста языкъ*“, „пасеть птиць *полозю*“, „съ тоя же каялы повель *баше тестя* своего“, „пособица княземъ на поганья“, „и скоти ю на кровать“, „*ломонъ* (вм. комонъ) въ полуночи“, „рекъ Боянъ *изъ котмна*“. Кромѣ того П. воспользовался и нѣкоторыми исправленіями предшественниковъ. Прибавимъ еще, что вм. „(Ольга) того внуку“ П. читаетъ „Трояна“.

Прибавимъ кстатѣ здѣсь объ „объясненіяхъ неудобопонимаемыхъ словъ“ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которыя помѣщаетъ Петрушевичъ въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ съ 1882 г., особенно съ августа 1893 г. и до сихъ поръ еще неоконченныхъ (о городахъ Галичѣ и Львовѣ). Здѣсь онъ указываетъ слова румынскаго и вообще западнаго происхожденія, усматривая ихъ въ слѣд.: „Уримъ=у Римѣ, у Римѣхъ; крамола=carmula; кровать=румын. crevat; паполома=румын. raplaşa, roploş, на капину (такъ читаетъ П. слѣдуя Прозоровскому вм. на кавину)=греческ., но черезъ румынъ; поганый=raganus; теремъ доска (изъ греч. δίσκος?); кнѣсь, кметъ, корабль; стрикусъ=румынск. stricu—sage (отчего же не отъ старосл. „стрѣкати, стрѣкати“, ср. у Скорины: „отъ стырчи“ de malitia; но я не нашелъ у П. объясненія необычнаго суффикса—усъ въ этомъ словѣ); шерешеры=русс. хорохориться (ч. 133 Вѣстника 1893 г. П. объясняетъ здѣсь и шерешеры и стрикусы звукоподражаніемъ ударамъ стѣнбитныхъ орудій);

сабля (П. не признаеть это слово азіатскимъ, какъ „харалужный“, какъ „орьтма“=ortmek турьотатарск., „япончица“=новотурецкое jarundze). На этомъ № (13 дек. 1893 г.) Вѣстника прерывается пока для насъ любопытная статья Петрушевича, съ нѣкоторыми слово-производствами которой мы не можемъ согласиться.

Мы должны теперь остановиться на самомъ большомъ трудѣ, какой когда-либо посвящался Слову о Полку Игоревѣ, трудѣ до сихъ поръ еще и неоконченномъ, Е. В. Барсова—„Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси“, томы I—II, 1887 г. и III т., 1890 г. Трудъ Барсова настолько выдѣляется изъ ряда другихъ работъ о Словѣ, что вполне заслуживаетъ подробной оцѣнки, какой отчасти онъ и подвергся въ рецензіи профъ Будиловича (Журн. Мин. Нар. Пр. часть CCLXIX). Это трудъ, безъ котораго не обойдется ни одинъ изслѣдователь Слова о П. И., трудъ, составленный съ большой любовью къ предмету, съ вниманіемъ къ его разностороннимъ отношеніямъ; наконецъ, это трудъ, представляющій столько же обзоръ почти всей предшествующей ему разработки предмета, сколько и—дающій новый вкладъ въ изученіе Слова о П. И. Конечно, въ немъ есть и недостатки, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть, чтобы лучше выдѣлить все, заслуживающее вниманія. Но прежде всего остановимся на его содержаніи. Въ предисловіи къ первому тому Б. ставитъ своей задачей возстановить историческое и художественное значеніе Слова о П. И., которое остается, по мнѣнію Б., въ сторонѣ изъ-за тонкихъ филологическихъ и грамматическихъ изслѣдованій Слова. Кромѣ изученія Слова въ связи съ древнерусской письменностью и народнымъ пѣснотворчествомъ Б. придаетъ особенное значеніе вновь открытымъ бумагамъ Малиновскаго, о которыхъ мы уже упоминали выше. По внѣшней формѣ Б. признаеть Слово удивительно цѣльнымъ и гармонически—стройнымъ произведеніемъ; поэтому онъ признаеть Слово въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, цѣльнымъ, законченнымъ и вполне художественнымъ памятникомъ. Б. вооружается противъ предположеній объ отрывочности Слова, о пропускахъ, вставкахъ и перестановкахъ, которые видятъ въ немъ нѣкоторые изслѣдователи. Вслѣдъ за тѣмъ Б. даетъ подробную библіографію Слова, отмѣчая погодно изданія, переводы и изслѣдованія о Словѣ до 1883 г. Послѣ того слѣдуетъ критическій очеркъ литературы Слова, который однако отличается отъ упомянутыхъ тру-

довъ Смирнова и Жданова тѣмъ, что не представляетъ систематическаго изложенія содержанія отдѣльныхъ трудовъ, а даетъ критическія замѣтки по отдѣльнымъ вопросамъ. Послѣ этихъ вводныхъ статей Б. разсматриваетъ Слово: 1) какъ выраженіе школы Кіевской дружинной Руси на основаніи сличенія Слова съ древнерусскимъ переводомъ Флавія о раззореніи Іерусалима; 2) какъ историческую повѣсть въ связи съ лѣтописями; 3) какъ пѣснь, подобную Бояновой, въ связи съ мифологіей Слова; 4) Слово—въ отношеніи къ словамъ богатырскимъ и наконецъ 5) Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ, т. е. къ лѣтописнымъ повѣстямъ, къ Задонщинѣ, къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи. Второй томъ изслѣдованія Б. состоитъ собственно изъ перевода Слова и палеографической критики затруднительныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Первое авторъ называетъ „Словомъ въ его цѣломъ и въ частяхъ“, на второмъ мы остановимся ниже. Третій томъ представляетъ „Лексикологію Слова“, и пока даетъ подробный словарь отъ буквы *а* до *н*. Задача этой Лексикологіи указана въ предисловіи: отмѣтить сходныя слова въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ съ указаніемъ отношенія къ греческимъ выраженіямъ, въ памятникахъ древнерусской письменности и народнаго пѣснотворчества, въ исторической географіи, въ современномъ языкѣ, у комментаторовъ и переводчиковъ Слова.

Переходя къ оцѣнкѣ труда Б., прежде всего надо принять во вниманіе, что авторъ этого изслѣдованія долго занимался собираніемъ и изданіемъ памятниковъ сѣверно-русскаго народнаго творчества, напр. причитаній. Онъ большой знатокъ и народной жизни на сѣверѣ, и народнаго поэтическаго языка. Онъ усвоилъ себѣ тѣже приемы, какими отличался въ свое время Даль, или-еще ближе—Сахаровъ. Это восторженное отношеніе къ народности, проникновеніе въ народную душу, въ народный языкъ и понятія. И все это Б. внесъ въ изученіе Слова о П. И., особенно—въ переводъ Слова, въ его объясненія. Вотъ напр. образчики перевода Б.: „Или не такъ, какъ начались Словеса—пѣсни старинныя, Начать намъ, братья, подобало-бъ Разказы страдны-боевые... О Бояне, соловей да ты стараго времени!.. Тогда при Олегѣ, горѣ похваляясь, (По полямъ оно кидалоса, Сѣмнами разсѣвалоса, И отъ усобицы росло оно, плодилоса“. Ср. съ послѣднимъ: „тогда при Олѣ Гориславличи сѣяшется и расташеть усобицами“. Очевидно, это мѣсто и значительно распространено въ пере-

ложеніи Б., и даже измѣнено противъ подлинника. Такими распространеніями отличаются и объясненія Слова въ этой главѣ 2-ой части труда Б. Авторъ какъ бы взялся защитить красоту Слова и потому вездѣ не только подчеркиваетъ прелесть и полноту выражений, но и связываетъ ихъ съ своими собственными дополненіями, съ собственной защитой Слова. Нельзя не замѣтить также и нѣкоторой односторонности въ сравненіяхъ Слова о П. И. съ былинами, мифологіи Слова съ мѣстными названіями. Не будемъ продолжать разбора недостатковъ изслѣдованія Б. и обратимся къ его достоинствамъ. Прежде всего надо отдать справедливость изслѣдованію Б. за то, что онъ собралъ, слѣдуя уже многимъ своимъ предшественникамъ, разнообразныя мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ Слова, напр. по объясненію темныхъ мѣстъ его. Это третья глава 2-го тома — „Палеографическая критика текста Слова“. Б. же принадлежитъ удачное сравненіе выражений Слова съ переводной повѣстью Флавія о разореніи Иерусалима и особенно находка и обнаруженіе бумагъ Малиновскаго. Хотя послѣдніе матеріалы и не такъ уже важны, какъ представляетъ ихъ Б., но тѣмъ не менѣе для объясненія Слова имѣютъ значеніе и такіе матеріалы, какъ выписки словъ изъ погибшей рукописи одного изъ редакторовъ изданія Слова 1800 г. Находка эта, если только она будетъ издана вполне и со всею точностью, получить значеніе рядомъ съ архивной рукописью. Скажемъ еще о палеографической критикѣ у Б. и о его Словарѣ къ Слову. Кромѣ свода многихъ мнѣній и предположеній о чтеніи затруднительныхъ мѣстъ Слова Б., на основаніи своего знакомства съ русскими рукописями, предложилъ нѣсколько новыхъ чтеній и выбралъ много наиболѣе удачныхъ толкованій изъ прежнихъ. Не всѣ эти чтенія вполне основательны; но мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ и приведемъ наиболѣе характеристичныя чтенія Б.: „мысію“ (=бѣлкою, хотя и здѣсь Б. вводитъ новое: „мысл мысію“); „спала“=существительное, „похопи“=похоти, „свивая славою“, „по дубю“,... „въ дръзѣ тѣлѣ“,—все поправки, уже извѣстныя и ранѣе. Далѣе: „ночь мьлькнетъ“, „тогда при Олзѣ горе славлячись“ (этому совершенно новому чтенію предшествуетъ всетаки толкованіе Гонсіоровскаго: „Гореславлячи сѣяшася“), „кликну Карина (вм. карна) и Желя“ (вм. жля); „у дебрьскіи сане“ (но такъ уже предполагали Снегиревъ и Макушевъ). Наконецъ къ совершенно новымъ чтеніямъ принадлежатъ еще: „и с Хотвем (собственное имя

вм. *схотию*) на крови а тыя рекъ (вм. на кровать и рекъ)“; „утро же возняс трикусы (=τρωαζ)“. Что касается словаря, то нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія этого полезнаго труда, хотя въ томъ, что до сихъ поръ появилось, и много лишняго, не относящагося къ Слову. Напрасно также безъ особенной необходимости авторъ переполнилъ свой словарь греческими и латинскими терминами,—что было бы кстати только для объясненія переводнаго памятника, а не такого въ высшей степени оригинальнаго памятника, какимъ считаетъ самъ авторъ Слово о П. И.

Въ 1883 г. Е. В. Барсовъ напечаталъ Слово о П. И. въ поэтическомъ переводѣ А. С. Пушкина, но, какъ справедливо усумнился въ этомъ П. О. Морозовъ въ изданіи сочиненій А. С. Пушкина 1887 г. (V т., 259 стр.), оказалось, что это переводъ вовсе не Пушкина а Жуковскаго (см. „Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную библіотеку въ 1884 г.“; 1887 г., стр. 80, 182 и д.). Понятно теперь, почему Барсовъ на стр. IV предисловія удивляется несоотвѣтствію перевода Пушкина его же собственнымъ замѣчаніямъ о Словѣ, напечатаннымъ въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ Анненкова (1873 г., стр. 467 и д.).

Въ 1890 г. вышла небольшая, но интересная замѣтка Козловскаго: „Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о П. И.“ (Древности и Труды Московск. Археолог. Общ., т. XIII, вып. II). К., основываясь на извѣстныхъ указаніяхъ палеографіи на лигатуры, гаплографію (т. е. слитное написаніе двухъ одинаковыхъ стоящихъ рядомъ слоговъ или согласныхъ), предложилъ слѣдующія поправки къ тексту Слова: вм. *самаю*—*самаю*; *стрежаше ея* гоголемъ, *изрони злато слово с слезами*, *трепещуть си* синіи молніи, *струи простре*, *Днѣпръ при темнѣ березѣ*, *возни* стрікусы.

Въ 1892 г. вышло „Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г.“ А. В. Лонгинова (Одесса). Изслѣдованіе Л. раздѣляется на три главы, въ которыхъ авторъ преимущественно останавливается на темныхъ мѣстахъ Слова и особенно подробно говоритъ о Боянѣ и Троянѣ. Затѣмъ къ изслѣдованію приложенъ переводъ Слова и примѣчанія. Авторъ старался изучить Слово преимущественно въ связи съ летописями, съ памятниками древнерусской письменности и въ этомъ отношеніи въ его изслѣдованіи встрѣчаются интересныя сопоставленія;

но, къ сожалѣнію, въ изслѣдованіи Л. мало опредѣленности, цѣльности и встрѣчаются методологическіе недостатки. Самымъ существеннымъ недостаткомъ труда Л. представляются его мнѣологическія соображенія, напр. о тождествѣ Трояна съ божествомъ Триглавомъ (такое сближеніе дѣлалъ уже ранѣе Квашнинъ Самаринъ въ „Бесѣдѣ“ 1872 г., IV, стр. 242: „имя Троянъ первоначально значило тоже, что Триглавъ“, и проч.). Слѣдую Максимовичу, Петрушевичу и друг. Л. видитъ въ Словѣ „цѣлую систему народной философіи, исходящей изъ глубокаго вѣрованія въ предвѣчныя и неизмѣнныя силы природы, въ безусловную подчиненность человѣческихъ судебъ божественной волѣ“. Но переводъ Слова у Л. неудаченъ: въ немъ или удерживаются выраженія подлинника безъ всякаго перевода (печаль жирная, жирныя времена, каютъ князя Игоря, храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло, обвѣсилъ въ синемъ туманѣ, и проч.), или встрѣчаются такіе неожиданныя объясненія, какъ напр.: „уже ты завершаешь! уже ты не верхомъ (=уже за шеломянемъ еси), уплѣсянка на болонѣ, бѣся юдоль квашную и несло шлюхъ къ синему морю (=у Плѣсьнска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю), но когда розно ихъ носить имъ въ хвостъ и гриву дуютъ копыя (=нѣ розинося имъ хоботы папуть, копіа поють на Дунай)“, и проч. Переводъ этотъ по произвольности объясненій Слова напоминаетъ одного только г. Вельмана, который послѣднее приведенное мѣсто переводилъ: „отдавая лучшихъ мужей, силу свою, приходилось пахать оставшимися въ селахъ хвостами—слабыми женщинами и старцами“. Конечно, подобные домыслы невольно вызываютъ улыбку.

Наконецъ отмѣтимъ опытъ разложенія Слова о П. И. на стихи г. Ю. Тиховскаго въ Киевской Старинѣ 1893 г. (октябрь). Авторъ слѣдуетъ воззрѣніямъ П. И. Житецкаго на непосредственную связь Слова съ малорусскими думами и рассматриваетъ Слово только съ этой односторонней точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, г. Т. не принялъ во вниманіе литературы Слова о П. И. и оттого текетъ его отличается неточностями, напр.: „небо бѣ въ тамо (?) ꙗ день два солнца помѣроста“ (стр. 9), „уже не Шеломянемъ еси“ (6), „млѣють месь“ (9), „Святослави посады“ (13); впрочемъ, это, можетъ быть, одна изъ многочисленныхъ опечатокъ, въ родѣ „крожѣ плечю“ (14), и т. п. Вообще авторъ держится изданія 1800 г., отступая въ немногихъ поправкахъ. Интересныя палеографическія замѣчанія Козловскаго остались ему совершенно неизвѣстными.

Заключившая обзор литературы Слова о П. И., мы считаемъ излишнимъ оглянуться на успѣхи въ этомъ изученіи, на болѣе или менѣе прочныя основанія для дальнѣйшей разработки Слова, на главные методы и приемы.

Чтобы понять успѣхи въ изученіи Слова за цѣлое столѣтіе, достаточно разсмотрѣть нѣсколько выраженій въ Словѣ, сравнить ихъ объясненія, переводъ въ разное время и сравнить также общіе взгляды на Слово въ нѣсколькихъ смѣнившихся направленіяхъ. Возьмемъ самый простой примѣръ. Слово „вѣщій“, которое теперь понятно и по филологическому значенію и по историческому употребленію, для первыхъ издателей 1800 г. значило только „мудрый, стихотворецъ, витія“,—для Шишкова—„имѣющій превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ“, для Буткова—финское *wiisas*, и только Снегиревъ въ 1838 г. вышелъ на настоящую дорогу, обратившись къ лѣтописямъ, въ которыхъ встрѣчается и слово „вѣщій“. Мы уже указывали выше, сколько собственныхъ именъ, введенныхъ первыми издателями 1800 г., обратились въ нарицательныя (до Куръ=до Курска, Шеломянемъ, Чага, Коцей, и проч.) и наоборотъ—нарицательныя превратились въ собственныя (Хрьсови, Дивъ=филинъ, Поморію, Посулію, и пр.). Но любопытнѣе всего остановиться на недостаткахъ перевода въ изд. 1800 г. Ставимъ въ началѣ выраженія Слова и затѣмъ переводъ ихъ: по былинамъ=по бытіямъ, усобицы=сраженія, чили въспѣти=тебѣ бы, сведоми къ мети=въ цѣль стрѣлять знаящи, рци лебеди роспущени=какъ лебеди скликаеяся, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ=стали томить людей огнемъ и мечемъ, злата не потрепати=не возвратитъ, поганыхъ тльковинтъ=въ нечистыхъ раковинахъ, нъ=не. Кое-гдѣ встрѣчаются въ переводѣ 1800 г. прибавки (сонъ сей значить, 24 стр.; въ безднѣ силу, 25 стр.) и пропуски (великому хрьсови, и пр.). Конечно, первые переводчики Слова и читали рукопись, примѣняясь къ своему пониманію, какъ напр.: подпрѣся о кони=сѣлъ на коней, Кисаню=Кисановой“ и проч. Если иногда трудно разгадать эти немногія чтенія, то многое изъ непонятаго въ переводѣ 1800 г. выяснилось. Но ошибки первыхъ издателей Слова любопытны еще въ другомъ отношеніи: они лучше всего доказываютъ древность и подлинность Слова, исключаютъ и всякую мысль о поддѣлкѣ его въ концѣ XVIII ст.

Теперь посмотримъ, какъ съ развитіемъ русской исторической науки въ различныхъ направленіяхъ раскрывается постепенно общее

значеніе Слова о П. И. Отмѣтимъ самыя крупныя явленія въ этомъ изученіи, самыя рѣзкіе переходы. Начиная съ статей Максимовича открывается тѣсная связь Слова съ русской народной поэзіей: изъ-за автора Слова выдвигаются старыя русскія народныя пѣсни; крайнее развитіе этого взгляда отражается въ мнѣніи, что Слово есть не что иное, какъ старинная народная пѣсня, дума. Съ статей Буслаева являются мнѣологическія объясненія Слова; съ этой точки зрѣнія въ ея крайнемъ развитіи все Слово проникнуто идеей борьбы свѣта съ тьмой, свѣтлыхъ началъ съ темными, при чемъ отъ произвола толкователя зависить удѣлить хотя небольшую долю въ Словѣ и исторіи. Крайности этихъ двухъ воззрѣній находятъ ограниченіе въ приложеніи къ Слову теоріи заимствованія, въ указаніи на книжные элементы Слова: выдвигаются права личнаго творчества въ Словѣ и даже подражанія. Въ противоположность этому воззрѣнію о заимствованіи является стремленіе связать Слово тѣсно съ лѣтописями, съ памятниками древнерусской литературы и народной словесности. Какая громадная разница между этими глубокими объясненіями Слова и представленіемъ о немъ первыхъ издателей, видѣвшихъ въ Словѣ только образецъ русскаго витійства и подобіе Оссіановскимъ поэмамъ!

Долгое время, т. е. съ 20-хъ годовъ и до послѣдняго времени, Слово о П. И. сопоставлялось съ извѣстными чешскими поэтическими памятниками, т. н. Зеленогорской и Краледворской рукописями. Но и этимъ сопоставленіямъ теперь уже мѣсто только въ критико-библиографическихъ обзорахъ литературы Слова. Укажемъ, однако, для полноты сличеній всѣ совпаденія Слова съ заподозрѣнными чешскими памятниками. Для тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ этихъ памятникахъ поддѣлку подъ древность и эти данныя могутъ служить немаловажнымъ подспорьемъ. Вотъ выраженія Зеленогорской и Краледворской рукописей, которыя сходны съ Словомъ о П. И., или напоминаютъ его (приводимъ текстъ по изд. Kořinek'a, 1875 г.): *žirne vlasti, stol oten* (по замѣчанію Добровскаго сочинитель Суда Любуши взялъ слово *otem* изъ Слова о П. И. см. В. И. Ламанскій: Новѣйшіе памятники древне-чешскаго яз. Журн. Мин. Нар. Пр. ч. ССШ, стр. 248), *s otna zlata stola, jarum turem, voji, sipechu střely, nynie vsedni ty na ručie koně, komon, tur jarohlavy, po zelene trave; a vyjde duša s řvucej huby, sie vylete pekny m tahlym hrdlem, z hrdla krasnyma rtoma; choruhvi; zvestuju vam povest* (такъ начинается

„Jaroslav“, особенно близкій къ Слову о П. И. по подробностямъ) *veleslavnu o velikych potkach, lutyh bojech, nastojte i ves svoj um sbierajte, vetchymi slovesy, střely dščichu, stary Kyjev, Bieda vstane, pohany, tur jary, plni tuli, kalenych střel, do kuropenie*. Замѣтимъ еще сходство въ изображеніяхъ Люмира пѣвца съ Бояномъ, погони ястреба за птицей (стр. 23), переполоха звѣрей и птицъ (49), предзнаменованія (20) и пр.

Что касается разнообразныхъ методовъ и приѣмовъ изученія, которые прилагались къ Слову, то достаточно припомнить слѣдующіе: требованіе логической послѣдовательности въ Словѣ оказывалось нерѣдко недостаточнымъ безъ историческихъ и литературныхъ основаній; съ большимъ основаніемъ прилагался методъ изученія Слова изъ него самого, путемъ сопоставленія сходныхъ мѣстъ—параллелей; но особенно плодотворнымъ оказывался всегда методъ изученія Слова въ связи съ памятниками древнерусской письменности и народной словесности; сопоставленіе Слова съ иноземными памятниками вело нерѣдко къ произвольнымъ догадкамъ; но самое широкое поле для догадокъ и домысловъ представляла самая трудная сторона въ изученіи Слова—его текстъ и толкованіе темныхъ мѣстъ этого текста. Безъ сомнѣнія общіе успѣхи въ развитіи русской историко-филологической науки могутъ дать прочныя основанія для научнаго изученія Слова о П. И. какъ со стороны его текста, такъ и общаго освѣщенія.

... (mirrored text from the reverse side of the page) ...

Цѣна 50 коп.